

Иван Быков

Унаги с маком

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Быков

Унаги с маком

<https://litres.ru/74192703>

SelfPub; 2026

Аннотация

Насыщенная неделя из жизни Нестора, учителя высшей категории, молодого и перспективного змея. В чреде невероятных событий, едва не приведших к эсхатологическому финалу (как индивидуальному, так и всемирному), происходит изменение не только мировоззренческих позиций главного героя, но и глобальная трансформация основных взаимодействий материального мира. Сможет ли Нестор найти верный путь в хитросплетениях семейной жизни? Сможет ли простой учитель спасти наш мир, если ему помогут добродушный пурпурный Наг и мудрый Дракон-венеролог, триединый и вездесущий?

Иван Быков

Унаги с маком

УНАГИ С МАКОМ,

Или

ЗМЕЕ-WEEK

Унаги – японский речной угорь. (Толковый словарь).

Унаги – состояние полного созидания. (Сериал «Друзья», сезон 6, эпизод 17).

ГЛАВА 1

Старенький кастом огрызнулся напоследок и затих. Нестор снял шлем, повесил его на локоть, продев руку через забрало. Вытащил ключ зажигания, втиснул его вместе с брелоком – змей, пожирающий собственный хвост, - в левый нарукавный карман защитной куртки и застегнул молнию. Это было то самое место – восьмой километр (кто бы сомневался: они любили восьмерку – знак бесконечности) загородного шоссе, бетонный долгострой в несколько этажей, пробитый сорняками асфальт.

На стене, заплеванной страйкбольной краской, красовалась кошачья рожа с корявым нимбом. Между нимбом и кошачьими ушами было старательно выведено готическим шрифтом: «Kott mit uns». Рядом красовался еще один шедевр – крупномерный половой орган с поясняющей надписью на латыни: «Nobiscum Penis».

Было раннее сырое утро. Над остывающим мотоциклом поднимался пар. Отсыревшие окурки, использованные презервативы и покрытые конденсатом пустые бутылки во множестве были рассеяны по близлежащей территории – бравые боевые ребята с игрушечными пукалками, устраивавшие здесь бои по выходным, не отличались педантизмом и пури-танскими нравами. Но сегодня была среда, о людях напоминали только неопрятные продукты их жизнедеятельности.

По трещине в стене, между котом и пенисом, заструилась ртуть – маленький ужик бесшумно скользнул за угол строения, которое стало руинами, так и не сумев стать придорожной гостиницей. Нестор послушно двинулся следом.

Бетонные плиты за углом были расколоты и через пару шагов превратились в глинозем, усеянный кусками бетона. Между этими осколками рыжели метастазы крупного, разветвленного муравейника.

Суетливых насекомых не было – муравейник выглядел мертвым, как, впрочем, и все здесь, на восьмом километре. Нестор заранее поёжился, вздохнул. Потом быстро скинул куртку, положил ее на влажный островок травы. Перчатки – в шлем, шлем – на куртку, не на землю – байкеры суеверны. Стянул тяжелые ботинки, серые носки, затем штаны с наколенниками. Не останавливаясь, дабы не утратить решимости, через голову избавился от футболки и, наконец, немного попрыгав на правой, а потом на левой, бросил последнюю деталь туалета, трусы, поверх куртки и штанов. Теперь он сто-

ял совершенно обнаженный, покрывшись от утренней прохлады и сырости гусиной кожей.

- Наг всегда наг, - сказал Нестор никому в никуда.

Уж изогнулся скользким угрем, истончился и стальной иглой проник в подземные лабиринты муравейника. Нестор вновь вздохнул и нехотя повторил змеиный маневр – не любил он эти ритуальные движения, они казались ему архаичными (если пристало Нагу говорить о времени) и бесполезными (если дозволено Нагу судить о целесообразности). Но проводник звал, и зов этот неизбежно влек за собой, как всегда влекут за собой Нагов призывы проводников в любом из иллюзорных миров Бытия.

Руины долгостроя, окруженные мусорными полянами, растаяли забытым сновидением. Начиналась напряженная гонка с преследованием по лабиринтам муравейника. По лабиринтам, в которых нельзя заблудиться, но в которых шаг за шагом оставляешь все проявления Саттвы и Тамаса, чтобы очищенным, подготовленным, перевоплощенным очнуться в суетливых коридорах Центрального управления Раджаса.

Нестор собрал тело в упругие кольца, потом хлестко стегнул хвостом по глиняным стенам подземного коридора, разминаясь и ожидая трепещущего прилива силы, а затем стремительно заскользил в темноту, все ниже, глубже, дальше от Взвеси, которую он уже больше тридцати лет называл собственной жизнью.

ГЛАВА 2

В детстве и юности Нестор дружил со своим именем. Некогда отец объяснил ему, что по-гречески имя означает «вернувшийся на Родину». Вряд ли детские думы Нестора при этом наполнились возвышенным патриотизмом, но все же, некую тонкую особенность он в себе ощутил и проникся конструктивно-эгоистическим самодовольством.

Большая Страна распалась на много маленьких; система образования, после недолгого неуклюжего баланса на грани, стремительно ухнула вслед - в беспросветную бездну мещанства и пошлости. Это обстоятельство повлияло на уровень общей эрудиции Несторовых одноклассников, что спасло его в школьные годы от кличек и подтрунивания.

Всеми историческими красками заиграло имя уже в университете: Нестора угораздило еще в школе заинтересоваться историей, что и повлияло на выбор факультета. Вот здесь, на истфаке, стали прилипать всяческие Нестории, Летописцы и батьки Махно – в зависимости от изучаемого на лекциях материала.

По окончании университета отправиться вслед за Ефремовым увлекательными «дорогами ветров» не получилось по тем же обстоятельствам: археология и палеонтология утратили энтузиастский флер и обрели мерзейшее прикладное значение – обслуживать злые амбиции маленьких националистических ошметков некогда большого и доброго народа.

Поэтому Нестор снова оказался в школе. Наверное, только историк может ощутить в полной мере изысканную благодать школьной атмосферы: именно здесь, в учебных аудиториях, будущее проходит огранку и обретает форму в горнилах образовательных коммуникаций, для того, чтобы неизбежно стать прошлым. Исторический процесс в миниатюре.

В школе Нестор утратил не только университетские прозвища - он потерял отчество «Иванович», которым обладал по праву рождения, зато обрел отчество «Петрович», которым – со ссылкой на «Большую перемену» - нарекали его теперь все: от кокетливых молоденьких выпускниц педвузов до покровительственных бальзаковских и постбальзаковских коллег-матрон. «Петровичем» его окликала даже директор; ученики, не видевшие этот фильм, со временем, под давлением масс, тоже стали менять через раз «Ивановича» на «Петровича». Нестор смирился.

Учитель истории полюбил свою работу не сразу. Сначала череда случайностей: школа-новостройка, в которой полштата вакансий; однокурсница, которая уже устроилась туда сама и звала за собой всех на дионисиях в день получения дипломов; крах надежд, безразличие, перерастающее в профессиональную безнадегу.

Но учитель привыкает к школьной действительности так, как моряк привыкает к морю: принимает как данность, вскоре начинает любить, а потом жизни не мыслит своей ни без рутинных штилей, ни без авральных штормов.

В школьную столовую Нестор Иванович-Петрович не ходил: какие-то внутренние ограничения не давали ему принимать пищу перед собственными учениками. Он понимал, что это ханжество, злился на себя, но ничего не мог поделать с этой странностью. Вместо столовой на переменах он нередко посещал крыло начальной школы, где среди суеты забавных малышей рассеяно пил чай и слушал щебет стайки молодых, почти юных «начальниц» - учительниц начальных классов.

Со временем Нестор узнал, сколько в школе «тайных комнат»: коморок, каптерок, лабораторий, складов, подвалов и свободных от занятий кабинетов. Проводницей по этим секретным катакомбам стала Ниночка, одна из стайки. Через два года Нестор и Ниночка покинули школу – он перевелся в гуманитарную гимназию, она отправилась в декрет. Все это произошло через два месяца после их свадьбы.

Еще через год Нестор встретил Кира.

ГЛАВА 3

Младшая кастелянша, довольно хорошенькая змейка Зонька, окинула Нестора взглядом от самых его босых ступней до влажных, примятых мотоциклетным шлемом волос, не без лукавого интереса задерживаясь в некоторых местах.

- Добро пожаловать в Раджас, - улыбнулась она, протягивая аккуратно сложенный зеленый сверток в тонкой пленке целлофана.

Нестор принял сверток, благодарно улыбнувшись в ответ: ему нравились девушки из местного персонала, импонировала их небрежная нежная пошлость, льстило их внимание. Как-никак Нестор был Нагом, пусть всего лишь Первого дна, но все еще было впереди – с момента пробуждения во Взвеси прошло всего три года.

В раздевалке было пусто. Целлофановая оболочка лопнула с легким треском. Нестор развернул халат, еле успев подхватить выпавший зеленый пояс. Это одеяние было промежуточным звеном между униформой хирурга и барским шлафроком; оно невероятным образом сочетало в себе строгость, практичность, элегантность и немного броскую бархатную роскошь.

Накинув халат на голое тело, туго опоясавшись, Нестор вышел в коридор и зашагал, достаточно уверенно (не в первый раз) сворачивая на многочисленных перекрестках-ответвлениях, в сторону кабинета Наставника. По коридорам деловито скользили змейки и Наги, - все в зеленых халатах, но с поясами различных цветов, что указывало на различие в рангах, званиях и стаже пребывания в этом мире идеальных существ; мире, который испокон связывает иллюзорную Взвесь Бытия и абсолютную реальность не-Бытия. Наставник объяснял положение дел приблизительно так, но Нестор усвоил эту онтологию весьма поверхностно – для изучения теории у него была теперь целая вечность.

Кир был в кабинете один. Он был окружен ароматом ки-

тайского оолонга, который заваривал прямо в чаше впечатляющих размеров. Периодически Кир всхлестывал и бил себя свободной пухлой дланью по монументальному бедру, дивясь некоему зрелищу в мерцающем мониторе. Поскольку бедро (и не только) выпросталось из под полы халата, звуки шлепков были пронзительно звонкими. Диктор вещал монотонно и непонятно.

- Заходи! – Кир махнул рукой в сторону кресел для посетителей и снова издал краткий гогот под аккомпанемент звонкого шлепка. Нестор поспешил опуститься в кресло и просел в нем как можно ниже, не из фамильярности, а лишь для того, чтобы офисный стол оказался на линии взгляда, прикрывая могучее мужское достоинство Наставника, бесстыдно и хвастливо возлежащее меж разъехавшихся пол халата.

- Глянь вот, - Кир, не отрываясь от монитора, подвинул к Нестору тонкую брошюру и добавил, стараясь вложить должную толику пиетета:

- С самого Дна!

Нестор осторожно, двумя пальцами, взял брошюру за уголок и, развернув к себе, прочитал титул:

***Во исполнение низжайшего распоряжения,
касательно грядущих событий,
ИНСТРУКЦИЯ.***

Ни даты, ни номера, ни адресата, ни составителя, - как и положено документу «с самого Дна».

Слегка отвлекаясь на Кировы взрывы эмоций, Нестор пробежал взглядом по тексту на развороте. Бережно закрыл брошюру и положил на место, придав ей прежнее положение. И замер в ожидании.

Через некоторое время Кир завершил просмотр. Гоготнув в последний раз, он убавил звук до минимума и откинулся в кресле. Вещание диктора превратилось в маловнятное бормотание.

- Их новости – это нечто! – заключил Наставник. – Просто чудо! Особенно в срезе, лет за десять. Невозможно оторваться! Такая непосредственная наивность – только за эти новости их нужно любить и беречь. – Он улыбался счастливо, как ребенок после просмотра любимого мультфильма. - По нижайшей «Инструкции» вопросы есть?

- Есть, - честно признался Нестор.

- И? – Наставник сделал очередной богатырский глоток зеленого чая.

- Вопросов много. Например, кто такие «воплощающие бесстрашие» и как они связаны с «всепроницающими, лишенными сомнения»? – Нестор постарался, чтобы в вопросе звучала искренняя заинтересованность, как у самых талантливых учеников на его уроках.

Кир перестал улыбаться. Он смотрел на своего подопечного не мигая, в упор, поверх чайной чаши, источающей пар.

- Шутишь? – наконец спросил Кир недоверчиво.

- Нет, - ответил Нестор, почти не солгав. – Какие уж тут

шутки?

Наставник некоторое время задумчиво пережевывал крупнолистовую чайнку. Помолчали. Через минуту Наставник встал, сгреб нижайший документ, складировал его в большой конторский сейф, после чего запахнул зеленый халат, затянул фиолетовый пояс, вернулся к столу. Наставник снова улыбался подопечному.

- Совсем забыл, что документ такого рода ты видишь впервые. К нашему бюрократическому сленгу ты еще не привык. Я переведу, постарайся вникнуть побыстрее. Поскольку дело серьезное и касается каждого. В двух словах...

И Наставник ознакомил Нестора с некоторыми вещами, весьма неожиданными даже для Нага и весьма тревожными не только для Взвеси, но и для всех миров трилоки.

ГЛАВА 4

Нина была дома. Жена полубоком устроилась на диване. Завернувшись в бежевый мохнатый халат, она демонстративно смотрела телевизор, хотя Нестор был убежден, что звуки передачи уходят в никуда, бессильно растворяясь в обоях гостиной. Нина болела. Нина скучала. Нина злилась.

- Где Антоха? – Нестор догадывался, где их пятилетний сын, но лучше было задать беседе некий отвлеченный тон. Не получилось.

- Антон у твоих. Бабушка заезжала. Привезла мне фруктов и какие-то деньги от твоего отца. Лежат на столе, под са-

харницей.

- Зачем взяла?

- Не брала. Она уже в двери объявила. Поставила перед фактом. Ты откуда в такую рань? Ушел тихо, я и не проснулась.

Нестор насупился. Начиналось.

- На работе.

- У тебя методический день – среда. Какая работа?

- Предметников в районе собирали. Забыл тебе вчера сказать. Олимпиады начинаются. История через два месяца.

- И поэтому шея у тебя черная, а в шевелюре куски грязи? Опять на мотоцикле мотался черти где? Врун.

Вроде, пронесло. Мотоцикл – это хорошо, мотоцикл обязательно вывезет. Хуже было бы, вспомни Нина, как они познакомились. Именно эти воспоминания в таких ситуациях не давали Нине покоя. Пока они работали вместе, места для ревности не было. Но с уходом в декретный отпуск, Нина все чаще нервничала, все более настойчиво устраивала допросы, все дотошнее и придирчивее принималась-присматривалась-примерялась. Нина как бы постоянно прослушивала песню «В каморке, что за актовым залом...» и неустанно натягивала ее сюжет на Нестора и его нынешних коллег. Основным доказательством мужней неверности были, конечно же, обстоятельства их собственного знакомства семилетней давности. Особенно напряженной стала обстановка после того, как Нестора нашел Кир. Раджас был конторой бо-

лее чем солидной, но алиби своим сотрудникам не обеспечивал – зов проводника не проигнорируешь, при этом выкручивайся так, как позволяют тебе наглость, фантазия и чувство юмора.

Врать Нестор не умел катастрофически, но приходилось. не расскажешь же все так, как есть. Хотя Нестор однажды попытался. Нина отреагировала бурно – сказать, что не поверила, - ничего не сказать. Нестор в тот вечер убежал в пивную через три квартала, вызвонил Кира и потом в течение десятка кружек жалобился сокрушенно и пристыженно. Кир тогда расхохотался, как всегда, гулко и основательно.

- А что ж ты, друг, хотел? – весело выдыхал Наставник, обдавая Нестора хлопьями пивной пены. – Мы ж тебе не масоны, белые перчатки для любимой не выдаем.

Кир хлопал юного Нага по плечу и, успокаивая, признавался:

- Знаешь, моя со временем поверила... Ну, не совсем поверила, - кто ж в такое поверит? - а так, прикинулась, что правила игры принимает и играть согласна. Но только от этого не легче. Иногда разозлиться и такое учудит! Пару дней назад шепотом так выстрелила в спину: «Слушай, а Нагиев тоже из ваших?». А как-то дочь твой предмет учила, так моя Нагайна серьезно ей говорит: «В учебнике все не так. Вот у папы спроси, он тебе расскажет. Нагасаки разрушили американские Драконы, которые охотились на японских Нагов». Хоть плачь, хоть смейся! (Кир действительно издал

звук, равно похожий и на смешок, и на всхлип.) И что ей ответить? Что нет в Америке давно никаких Драконов? Кроме одного, конечно, - кроме денег. Но деньги – дракон мертворожденный, он только гадить умеет.

Критическая масса не накопилась, тревога была учебной. Нина плотнее закуталась в халат, выключила телевизор и вытащила из-под бока раскрытую книгу с чуть примятыми страницами.

- Поставь чайник и иди в душ, байкер утренний. Ты ж ушел и не позавтракал? Да, и градусник мне передай – вроде температура упала, надо проверить.

ГЛАВА 5.

Нестор не договаривался в этот вечер о встрече с Наставником, но не сомневался, что найдет его в пивной «Варяк». Именно в этой пивной три с половиной года назад состоялась первая встреча опытного Нага и ничего на тот момент не подозревающего неофита.

В тот раз случайный разговор с незнакомцем за очередной кружкой пива спас Нестора от неловкой ситуации. А Нестор ужасно не любил попадать в неловкие ситуации. Даже за киногороев, попадавших в неловкие ситуации, Нестору бывало мучительно стыдно, настолько, что он старался покинуть комнату с телевизором под любым предлогом – на кухню, в уборную или просто так.

Нестор, хоть и был человеком относительно эрудирован-

ным, но агрессию при раздаче этой эрудиции массам проявлял лишь в соответствии с календарным планом учебных занятий. Однако в тот вечер, на исходе второго литра пятничного пива, учителю истории захотелось восстановить историческую справедливость в отдельно взятой пивной. Он уже готовил по всем параметрам дружественную речь, в результате которой барменша Тамара за стойкой должна была с изумлением и раскаянием понять, какую грубую ошибку допустили хозяева в процессе номинации этого заведения. Конечно же, он напевал «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг». Конечно же, он надел на себя маску знатока, готового уверенно и обстоятельно ответить на вопрос телезрителя... И в этот момент гулко прозвучало за соседним столиком:

- Ни при чем!

Нестор обернулся. Из-за соседнего столика на него весело смотрел плотный незнакомец, добродушно улыбающийся в обе розовые щеки.

- Простите? – переспросил Нестор.

- Ни при чем! – повторил незнакомец. – Я говорю, что Ваш крейсер «Варяг» к названию этой пивной не имеет никакого отношения. Как и все прочие варяги скандинавской наружности. Садитесь, молодой человек. Вы уже сорок минут у стойки на ногах.

Толстяк указал рукой на свободный стул напротив и тут же, привставая, подал руку Нестору в жесте приветствия.

- Кир. Так меня зовут, - жизнерадостно утвердил толстяк.

- Нестор.

- Так вот, уважаемый Нестор Петрович...

- Иванович, - автоматически исправил Нестор.

- Петрович, Иванович – не суть важно. А важно то, что варяк – это такой чан, мерная ёмкость. В старину в таких варяках варили пиво. Больше ста ведер из одного выходило.

При осознании глубины той лужи, в которую чуть не пришлось сесть, Нестор поежился. Делать было нечего – конфуз, пусть и не состоявшийся, нужно было запить. Да и нового знакомого стоило угостить – спас ведь. Кир от угощения отказываться и не подумал. А потом благодарно и вежливо повторил «по паре» в ответ. Тот вечер был долгим, сумбурным, но при этом весьма и весьма информативным...

Итак, Наставник сидел за тем же столиком, и был не один – рядом отстранённо покоился довольно потрепанный джентльмен почтенного возраста. На столе в обилии наблюдались цветные упаковки – распотрошенные и пустые. Еще одна, желтая, с копчеными кольцами кальмара, была только открыта и пока не начата. Также на столе имели место четыре кружки – полные, запотевшие, с пеной через край.

Кир широко улыбался – он давно заметил Нестора, еще в окно, и пока подопечный входил в заведение, ждал заказ у стойки и пробирался к столу, Наставник наполнялся искренней радостью, которую горячо вложил в мощнейшее рукопожатие.

- Знакомьтесь, молодой человек, - при посторонних Кир

всегда обращался к Нестору на «Вы». – Это Семен.

Семен, не вставая, протянул руку через стол. Жест показался Нестору небрежным, безразличным, но пожатие было крепким, значимым. Кир энергично подмигивал и многозначительно взывал брови. Потом указательным пальцем левой руки, той руки, которую Семен не мог заметить за объемными формами Наставника, Кир ткнул в сторону потолка и одновременно возвел очи горе, мол, «товарищ - оттуда». Именно оттуда, сверху, а не снизу, как показывал бы Кир, представляя Нагово начальство с какого-нибудь почетного Дна.

А это могло означать только одно: напротив Нестора за столом в «Варяке» сидел Дракон.

ГЛАВА 6.

Дракона Нестор видел впервые. Он и слышал-то об этих существах всего один раз – если считать истории содержательные, а не просто упоминания. Это было в день первого перевоплощения. Нестор тогда совершил обычную ошибку Нага-новичка – «сыграл в прятки». Задыхаясь в гнетущем мраке, он не сумел зафиксировать змеиную ипостась и через несколько секунд вновь стоял на двух ногах – по-прежнему задыхаясь и по-прежнему во тьме. Где-то в двух шагах гоготал Кир:

- Ну, друг, как говорят у нас: нагнуться – не прогнуться! Да не рви ты – Нинка твоя заругает потом! Ищи щель! – И вновь Кир гоготал, прихлопывая себя по ляжкам.

«Игра в прятки» - традиционная шутка Наставников: ни

один неофит и не думает избавляться от одежды перед тем, как «нагнуться», поэтому, впервые перевоплотившись, еще не умея смотреть душой, несчастный оказывался в тенетах собственного белья, терял контроль, спешил назад, в привычный человеческий облик, при этом рвал свою одежду или окончательно запутывался в ней. Наставники в такие дни были веселы, смеялись от сердца, вспоминали свой первый опыт и хранили традицию от начала времен до наших дней.

Пока Нестор высвобождал обе руки из правой штанины, Кир выполнял свою социальную функцию – наставлял:

- Искать щель – субстанциональная, инклюзивная обязанность Нага. И речь идет не о материальном мире Взвеси – здесь щель для Нага и дом, и спасение, и прямая дорога в милый Раджас. Речь, в первую очередь, идет об аспекте этическом. Именно умение находить щель и делает Нага тем, кем он есть на самом деле. Я бы назвал это умение классифицирующим формантом. Рассмотрим на примере. – Кир, наконец, помог своему подопечному стянуть брюки с рук. Нестор стал быстро, по-армейски, одеваться.

- Сравним три разряда существ, - продолжал урок Наставник, - Нагов, Драконов и городских магов.

- Кто такие эти Драконы и городские маги? - О последних двух Нестор слышал впервые.

- Всеу свое время, мой юный падаван, всеу свое время. Так вот, понятия «совесть» и «подлость» для Дракона как для демиурга демиургов, находящегося в супрапозиции по

отношению к Взвеси, - ничтожны есть: он сам воплощенная совесть, и он же, будучи явлением амбивалентным, сам же воплощенная подлость. Городской маг, являясь существом искусственным, вскормлен подлостью, живет подлостью и подлостью же измеряет целесообразность своих действий. Все понятно?

- Относительно, - Нестор озяб, его одежда успела впитать вечерний туман, осевший влагой на траве. - Я лишь не понимаю, о ком идет речь.

- Отлично! Тогда продолжу. Наг, опираясь на одному ему присущие видовые способности, всегда сумеет найти сокровенную щель между совестью и подлостью, удобно свернуться в ней и наблюдать за происходящим без лишних тревожений.

- Рожденный ползать – летать не может, - вдруг вспомнил Нестор.

- Что? – Наставник сбился. – А, ну, конечно. Только это моветон, дорогой друг. Эту бороду уже давно не стригут. А первое время – да, шутили часто: «Ты, как Сокол, - скажи прыгай, ты и прыгнешь». Вот только Соколы бывают разные: одни отдохнут, подлечатся, соберутся с силами и летят – по своей воле и собственному разумению; другие кивнут, схватят какой-нибудь штандарт и – лбом о стену или с обрыва вниз, ломая крылья, теряя перья. Грустно.

Наставник задумался, потом продолжил – немного невпопад, но, в целом, не отвлекаясь от темы:

- Городские маги – обычные люди, только их воля и образ мышления взломаны опытными хакерами – иерофантами...

- А это что за звери?

- Узнаешь позже. И чем позже – тем лучше. Городские маги научены менять нематериальное внутри себя – подстраивать под воспринимаемый ими контекст. К счастью, материальные изменения им не доступны. Разве что опосредованно – через деньги. Наг же, опираясь на неизменную суть, способен производить изменения материи. Например, свершать ритуал перевоплощения – он доступен уже с Первого дна. И лишь Драконы могут все. Их всемогущество ограничено исключительно внутренними критериями истины. И хоть они могут изменять по собственной воле даже сами эти критерии – это наиболее надежное из всех ограничений.

Вот и все, что Кир рассказывал своему подопечному о Драконах.

ГЛАВА 7.

Кир имел склонность к шуткам и розыгрышам. Указующий в небо перст Наставника мог, в конце концов, означать что угодно. Нестор решил не обращать на эту пантомиму внимания. Пока не известно, кем был Семен в мирах трилогии, но здесь, во Взвеси, он был, по словам Кира, «уролог, венеролог, дерматолог – триедин и вездесущ, врач от рождения, обращайся, если что» (тут Кир лукаво подмигнул).

Услышав об урологии, «врач от рождения» о чем-то

вспомнил, вознеся над столом всем своим совершенно не спортивным телом, повел плечами, сокрытыми под сизым пиджаком, и молча двинулся в сторону уборной.

Кир приподнял бокал:

- Так выпьем же за тех, кому посчастливилось найти призвание и раскрыть сокрытый потенциал! – провозгласил он.

Чокнулись. Кир – задорно, Нестор – пресно, без аппетита.

- Что душу Вашу гложет, дружище? – Кир прошипел фразе настоящим змеем, все через «Ш» - он говорил и одновременно дегустировал кальмарье кольцо.

- Ничего, - Нестор и сам не знал, где рассеял бодрость и вкус жизни. – Устал просто.

- О, да! – понимающе кивнул Кир. – Перевоплощение отнимает силы, а некоторых по возвращении даже вгоняет в депрессию.

- Кстати, давно хотел спросить. Почему сам этот процесс имеет столь унизительное наименование? Ваше любимое «нагнуться – не прогнуться» отдает чем-то лагерным.

- Мой друг, вы же учитель. Пусть не филолог, но тоже интеллигентный человек. «Лагерным», - передразнил Кир и безразлично скривился то ли по поводу Несторового незнания элементарных вещей, то ли по поводу неуместного слова, то ли из-за тухлого кольца. - Вы же неправильно поставили ударение. Сместите его на первый слог.

- Я всегда думал, что это у Вас кокетливая какография такая. Эрратизм. Ну, как компАс у моряка.

- Ну, как же? Все ж на поверхности. «НАгнуться» - статья Нагом; «прОгнуться» - от слова «прога» - означает воспринять программу извне, то есть подчиниться авторитету. Помните у Белинского? Толпа живет по преданию и мыслит по авторитету. Эта формула издревле определяла положение Нага по отношению к толпе – свободное и отстраненное. Нагнуться – не прогнуться. Учите матчасть, мой друг.

- Свободное? Так ли? – Нестор включил скепсис учителя истории.

- Углубляетесь, мой друг? – улыбнулся Кир радостно. – Это только приступив ко второму бокалу? А где грань между свободой и зависимостью? Вы готовы ответить? Я - нет. Однако думаю, что именно на этой грани лежит самое глубокое, самое решающее различие между растительным и животным существованием.

- Э, нет! - Нестору теперь тоже было весело – он ощутил прилив сил и оживление интереса к беседе. – До Вашей глубины мне еще далеко. Все равно не понимаю – почему мы так часто используем корень «наг» при наименовании окружающих нас вещей, явлений, процессов? Есть в этом какая-то пошлость.

Кир посмотрел вверх головы своего подопечного. Нестор обернулся. «Триединый и вездесущий» Семен стоял у стойки и оживленно раскладывал по деревянной столешнице некие тезисы, помогая себе ребром ладони. Барменша Тамара внимательно слушала. Тамара любила по-настоящему-

му глубоких людей и терпеть не могла разговоры о политике, рыбалке и футболе. Насколько Нестор знал ее историю, Тамара закончила Академию пищевых технологий, имела диплом технолога-винодела, но призвание свое (вспомнился первый сегодняшний тост Кира) нашла именно здесь – за барной стойкой. Так сказать, «раскрыла сокрытый потенциал».

- Ну что ж, мой друг. – Кир сдвинул два бокала, пустой и почти полный. Раздался приглушенный звон. Это вернуло Нестора к беседе. – Вопрос Вы задали непростой, а потому ответ я обязан дать обстоятельный. Приготовьтесь – будем считать этот наш разговор предметным семинаром.

И Нестор приготовился слушать.

ГЛАВА 8.

- То, что у людей принято называть прозрением, на самом деле является неким особым состоянием, имеющим различную природу, но всегда – детерминированным. Несомненно, некоторые «прозрения» обусловлены опытом, накопленным как лично прозревшим гением, так и человечеством в целом. Со стороны такой гносеологический скачок может выглядеть как откровение свыше, но, по сути, искусство гения заключается в способности анализировать следствия, выводить из них причины, а затем экстраполировать данный процесс в будущее: устанавливать следствия как новые причины и выводить из этих новых причин новые следствия. При

достаточном интеллектуальном уровне носителя, при достаточном объеме верно выбранной информации способность гения к таким «прозрениям» вполне можно принять не просто за умелую аналитику, но и за пророческий дар. Пока все понятно?

Нестор кивнул – он привык: «семинары» Наставника настолько обстоятельны, что сам предмет будет обозначен лишь в конце беседы, а по дороге нить познания будет струиться, как тело Нага меж камнями.

- Но, как Вы сами понимаете, мой друг, такие аналитики не пишут для прессы и не выступают по телевидению. Часть из них, - та, что осталась у обочины, - изливает откровения друзьям и женам на пьяных кухнях; другая часть, - та, которой повезло меньше, - складывает свои откровения в красные папки с грифом «Совершенно секретно».

Откровения гениев первого рода – невинный треп, который холостым хлопком выливается с последним алкоголем из бутылки в «ты меня уважаешь? - уважаю». Откровения гениев второго рода ложатся в основу глобальных свершений, становятся пунктами в надгосударственной программе действий и чреватые серьезным резонансом, значимым не только для Взвеси, но и для всех миров трилоки. Поэтому, во избежание неприятных последствий, как Вы сами должны были догадаться, некоторую часть «прозрений» такого характера приходится наводить нам, Нагам. Целый отдел наших с Вами коллег, мой друг, ткнут органику таких суггестий на Седьмом

дне Раджаса. Внедрением суггестий занимаются товарищи, имеющие ранги поменьше. У нас называют это «поработать совестью».

Тут Кир посмотрел на Нестора с какой-то почти отеческой грустью. Нестору этот взгляд не понравился – стало так же неуютно, как во время просмотра фильма в сцене, где человек попадал в неловкую ситуацию. Но Кир продолжал.

- Безусловно, иерофанты иногда догадываются о нашем вмешательстве и сурово пресекают те наши поползновения, которые им удалось обнаружить. На этих фронтах, мой друг, почти четыре тысячелетия по времени Взвеси идет жестокая и беспощадная битва. Жертвами этой невидимой войны погибли многие талантливые люди и, что Вам будет слышать особенно неприятно, многие талантливые Наги. Однако бывают пограничные ситуации. Гений вырастает из кухонного трепа, но непостижимым образом слишком поздно оказывается в зоне особого внимания городских магов, вернее, их хозяев – иерофантов.

- Вот опять... – начал было Нестор, но Наставник вовремя поднял ладонь в знаке «стоп» - мол, всему свое время.

- Как Вы понимаете, мой друг, у нас своя зона особого внимания, из которой человеку, тем более гению, выпасть ну никак не возможно. Такие гении третьего рода работают в тесном сновиденческом контакте с нашими операторами. Именно из-под их пронзительного пера вышли те труды во всех областях знания, которые века и века определяют ми-

ровоззренческую, ментальную составляющую как отдельных народов, так и всего человечества. Эти труды (а значит, их авторы тоже) – наша, как говорится, надежда и опора, наш последний – поскольку единственный – бастион, за стенами которого таится не просто вектор развития, но сама возможность существования Взвеси как особого феномена Бытия.

Разговор только начинался, Нестор даже на горизонте не видел пока ответа на заданный вопрос, но в этот момент возникла вынужденная пауза: к столу вернулся «триединый и вездесущий» уролог Семен. За его спиной стояла барменша Татьяна с тяжелым разномом. Вечер обещал быть долгим.

ГЛАВА 9.

Семену не сиделось. Он периодически вставал, разминался, совершал моцион к стойке и назад, к столу. Наконец, он произнес голосом Анатолия Папанова в роли Кисы Воробьянинова:

- А поехали в салон!

- Окстись, Семен, - рассмеялся Кир без всякого пиетета. Нестор все больше сомневался в Драконьей сути уролога-венеролога-дерматолога.

Но Семен окститься не захотел. Семен хотел в салон:

- Господа, переживать смысла нет. У меня своя торговая марка, и эта марка дает гарантию. На каждом базаре есть свой санитарный врач. Он ставит печати на продуктах питания. На этом базаре печати на тушки ставлю я. – Семен по-

лез во внутренний карман пиджака, извлек оттуда кожаный футляр на змейке. В футляре действительно оказалась печать врача. Резко щелкая механизмом печати, Семен успел поставить оттиски на нескольких салфетках, пока довольно решительно Кир не завладел этой статусной регалией.

- Угомонись, Семен, - более настойчиво, но по-прежнему весело хохотнул Наставник Нестора. – В какой салон? Ночь на дворе, а у тебя завтра прием.

Нестор взял одну из пропечатанных салфеток. По окружности оттиска значилось мелкими синими буквами: «Семен Немирович Волх». В центре – короткой поперечной надписью: «ВРАЧ». Было какое-то этнографическое несоответствие в сочетании имени, отчества и фамилии. Нестор воспринял это несоответствие на уровне вискового послекусия – как непонятную ноту, перебивающую привкус торфа и дыма. Салфетку он зачем-то спрятал в карман.

Семен остыл так же резко, как и загорелся. Присел, глотнул, задумался. Предпринял последнюю попытку совращения:

- Молодой человек, - обратился он к Нестору впервые за этот вечер. – Составьте компанию своему более опытному товарищу. Ладно этот старый пень - весь тестостерон оставил у своей Ларисы. Но Вы же – здоровый мужчина. А я гарантирую высокое качество и отсутствие последствий – заявляю как профессионал. Все прошли обследование, могут даже книжки санитарные показать. Нас ожидает радушная

встреча, проникновенное уважение к моей работе и много неожиданных сюрпризов.

Нестор натянуто улыбнулся – он не знал, что ответить и ждал поддержки от Наставника. Но Кир молчал, положив подбородок на кулак, – он пристально смотрел на подопечного, в его глазах играли искорки.

- А что, Нестор? Нет ли сермяжной правды в словах уважаемого господина венеролога? За своих протеже он ручается честью врача. Не стоит ли Вам, мой друг, хотя бы для приличия отправиться во все тяжкие в эту ночь, полную сюрпризов?

Нестор совсем растерялся. Ехать он никуда не хотел. Нет, не в виду пуританских взглядов или каких-либо ограничений морального, физического или иного характера. Просто завтра были уроки, целых шесть, да еще в разных параллелях; Нинка и так злится из-за этих вечеров в «Варяке», не стоит ее огорчать поздними возвращениями; да и в самой ситуации – ехать к проституткам с малознакомым молодым врачом-венерологом – наблюдался серьезный диссонанс. Неужели Наставник таким образом проверяет его или, что хуже, дает рабочее задание?

- Сегодня без меня, – наконец выдавил он почти виновато. – Если можно. При всем уважении.

- Эх, молодой человек! – застонал Семен раздосадовано. – Когда ты его уже напоишь, Кир? Такой перспективный кадр, а еще ни в одном глазу. Напой его!

Кир рассмеялся.

- Обязательно, Семен! Обязательно напою. Но еще не время. Ты же знаешь, напитки в нашей конторе сугубо по разнарядке в пределах квоты.

- Бюрократы, - проворчал Семен.

Кир обратился к Нестору:

- Ну, значит отправитесь в салон в другой раз, мой друг. Не минует Вас чаша сия. Придется мне потряхнуть стариной. Не отпускать же дорогого Семена одного в столь пикантное путешествие.

И добавил шепотом:

- Может, удастся переключить его на бильярд. Или к себе домой завезу – Лариска коньяк откроет.

Кир кивнул С. Н. Волху. Тот не совсем трезво снова полез во внутренний карман пиджака, на этот раз за телефоном – вызвать такси и обрадовать своих пациенток. Потом, слегка покачиваясь, прижав телефон к правому уху, двинулся к выходу, чтобы шум зала не мешал телефонному разговору.

Нестор попытался достать кошелек, но Кир остановил его жестом:

- Я угощаю сегодня. – И выложил несколько купюр на давно, еще на разносе, принесенный Тамарой счет.

Встали. Пожали руки. Кир придержал руку Нестора в своей.

- Вам, мой друг, стоит помнить: Ваша жена вытянула в этой жизни жребий одновременно счастливый и незавид-

ный. Мы, Наги, на многие вещи смотрим не так, как люди. Иначе. Но я уверен: она справится. Всего доброго, мой друг.

Нестор направился к выходу вслед за Наставником. Перед самыми дверями Кир обернулся.

- Вам все-таки придется развеяться. Послезавтра, в пятницу, на Первом дне будет мероприятие. Вы же никогда не были на наших корпоративных вечеринках?

Нестор отрицательно покачал головой.

- Это моя недоработка. Вот в эту пятницу все и исправим. Кстати, будет возможность закончить наш разговор. Возражения не принимаются. Проводника я направлю. Ждите зов.

ГЛАВА 10

Нестор любил преподавать историю. Особенно в тех классах, где обычная для нынешних учеников индифферентность сочеталась в должной мере с любознательностью и живым умом. На его уроки приходили смотреть: родители учащихся, коллеги, администрация школы, района; однажды пожаловали даже из области. Его дважды посещала съемочная команда местного телевизионного канала: молодой талантливый учитель, речь хорошо поставлена, рубашка выглажена, к тому же, мужчина, что в школе большая редкость, - в общем, лицо современной системы образования.

Он никогда не работал по учебнику. Да, он концентрировал изложение материала на предусмотренных учебной программой обязательных отправных точках, но рассматривал

каждый вопрос с максимального количества возможных ракурсов, благо материала было предостаточно. Нестор не пропускал ни одного исторического романа, попавшего в поле читательского внимания, по возможности читал биографии исторически значимых личностей, как в публицистическом, так и в художественном изложении. Его воображение и аналитические способности заставляли историю бодрствовать, течь полноводной рекой во взаимосвязи причин и следствий, в искристом переливе фактов и сиянии тенденций.

Со временем Нестор подхватил хворь, настигавшую любого толкового и знающего специалиста: он возомнил себя лучшим, хотя очень удивился бы, узнай, что это действительно правда.

Некий дискомфорт ощущал Нестор лишь в тех случаях, когда программа требовала давать историческим событиям «правильную» оценку. Нестор морщился почти брезгливо, замечая в методичке исторический факт, сопровождаемый искусственно прилепленным атрибутивом. Все эти «освободительные» или «захватнические» войны, «прогрессивные» или «благородные» революции, «убийственные» или «позорные» договоры были лишь войнами, революциями и договорами – все определения появились позже, как эпитет «Божественная», добавленный потомками к «Комедии» Данте. Причем с одной стороны к войне лепили «освободительная», с другой – «захватническая». Одни называли внутренние кровавые разборки «Великой революцией», другие –

«мелким путчем». Одни строили памятники и провозглашали национальные идеи, другие сносили памятники и называли эти идеи коричневой чумой. Иногда – наоборот: одни называли и воздвигали, другие провозглашали и сносили.

И не так важно, погибли в битве четыреста гоппитов, шесть тысяч инфантерии или десятки миллионов человек – кровь остается кровью. И с этой точки зрения, мировая история – это короб, декорированный достижениями культуры, но при этом доверху набитый трупами и дерьмом. Так что работа настоящего историка больше похожа на труд ассенизатора и патологоанатома.

Всегда находились академики, а чаще – метящие в академики, которые подводили под каждое новое видение истории научную базу. Существующие с момента возникновения этой области знаний, они – просто бальзамировщики, наводящие макияж заданного формата. Если вдруг в стране открывают какое-нибудь учреждение по восстановлению исторической справедливости – жди неожиданных переосмыслений и новых нетрадиционных комментариев к очевидным историческим реалиям. Предатели превратятся в героев, террористы – в борцов за справедливость, униаты – в сепаратистов, силовики – в боевиков. Или наоборот. Так было, так будет и так происходит именно сейчас за этими окнами, под этим красным марсианским закатом.

В истории, как и в жизни, не было белого и черного, плохого и хорошего. Одним из тех летописцев, которых Нестор

авторитетно уважал, был Фукидид. Этот хронолог Пелопонесской войны редко выражал свое отношение к противоборствующим сторонам. Афины или Спарта, демократия или олигархия, - в «Истории» Фукидида говорили факты. Нестор получил дорогое подарочное издание этой «Истории» на День учителя. В таких книгах ставить ремарки было почти кощунством, но, не удержавшись, он все же выделил один абзац жирной вертикальной линией по мелованной бумаге. Этот абзац ярко характеризовал субъективное отношение участников к результатам сражения: «Кто одержал победу, осталось неясно. Действительно, обе стороны обратили в бегство противостоящее крыло неприятеля. И те и другие воздвигли трофеи и послали в Дельфы взятую добычу. После больших потерь с обеих сторон ночь заставила прекратить битву, не дав никому перевеса. Тегейцы, заняв поле битвы, расположились там лагерем и тотчас же поставили трофей, а мантинейцы отступили в Буколий и после также воздвигли трофей».

Человечество могучим великаном то мерной поступью, то рывками, то скачками, то перебежками двигалось в каком-то определенном направлении. Всякий раз, когда на этом пути лилась кровь, не было победителей - проигрывали обе стороны. Не важно, кто водружал трофей – выигрывала лишь война. Но война не имеет собственных интересов, война не начинается сама себя. В процессе профессиональной деятельности Нестор все больше убеждался в том, что существует

некий скрытый бенефициар, на которого, как говорится в старом анекдоте, «записан весь гешефт».

И бенефициар этот то и дело подталкивает полуслепого гиганта то войнами, то революциями, то переворотами, то новыми философскими учениями, как вивисектор подталкивает электроразрядами подопытного зверя, если тот выбирает неверное направление.

«И те и другие воздвигли трофеи и послали в Дельфы взятую добычу». Где же эти Дельфы? Кто же эти пифии, которые подстрекают к кровопролитию, суля победу и тем, и другим? Кто же эти жрецы, которые, пока идет война, молятся за обе стороны и в результате получают золотые треножники от обеих сторон?

ГЛАВА 11.

Сегодня четверг, шесть уроков, три параллели. Голова была чуть не свежа – пора было завязывать с такими вечерами. Слишком много пива, слишком много информации, слишком много нервов, потраченных на объяснения с Ниной.

Нестор распределил сегодняшнюю работу по степени самоотдачи.

У восьмых – контрольная. Написать на доске тему, обозначить варианты, раздать материал и важно ходить по классу, помогая советом, жестом, взглядом. Списывать неоткуда – есть конспекты, если вел исправно – пользуйся на здоровье.

У выпускных классов – работа с периодическими изда-

ниями, своеобразная политинформация. Одни расскажут о событиях за последнюю неделю в мире, другие – в стране, третьи – в городе. Слушать, корректировать, дополнять, следить за дисциплиной, направлять дискуссию. Ребята взрослые, такая самостоятельная подготовка для них не впервой, уроки будут живыми, в активном темпоритме – хоть приглашай зрителей.

И только у девярых сегодня новый материал, Великая французская революция.

После вчерашнего разговора с Наставником остался – нет, не осадок... Осталась какая-то трудно объяснимая шероховатость. Мелкий наждак, за абразив которого цеплялась мысль.

Нестору предстояло излагать на уроке сложный материал. События 1789-1799 годов во Франции – запутанный исторический узел, к которому сходятся и от которого расходятся фабульные ниточки предшествующих и грядущих преобразований. Эту тему Нестор освещал уже в шестой или седьмой раз – в школе и гимназии, и, если добавить муштру перед экзаменами в университете, то получался немалый объем проделанной подготовительной работы.

Всякий раз на подступах к теме Нестор перелистывал старые конспекты, - выражаясь педагогическим сленгом, «актуализировал опорные знания». И, безусловно, добавлял все новые и новые массивы информации – целые плетеные ковры причин и следствий. Он и раньше понимал, что Вели-

кая французская революция началась отнюдь не со взятия Бастилии и, конечно же, совсем не во Франции. Но теперь, после намеков Наставника на вмешательство Нагов-операторов, «работавших совестью» во снах исторически значимых фигур, и на деятельность неких загадочных городских магов, руководимых еще более загадочными иерофантами, Нестор окончательно потерял ту ниточку, за которую старался раньше разматывать этот исторический клубок.

Однако. Через минуту раздастся звонок. Портреты развешены, тема записана на доске. Под ней столбиком – основные даты. Пора упорядочить хаос в мыслях и укрепляться на рельсах, по которым скользить весь академический час – сорок пять минут урока. Наги, Драконы, городские маги, иерофанты – к черту их! Нестор твердо решил в следующий раз не отпускать Кира до тех пор, пока тот не разложит всю эту нагову терминологию по полкам. Прав Наставник: нужно будет основательно выучить матчасть.

Класс встал, приветствуя учителя. Шепот, как обычно, пробежал волной от первых парт и замер на галерке. Нестор улыбнулся. Спортсменам, наверняка, нравится финиш. Учителям нравится старт. В этих первых минутах урока сконцентрирована педагогическая магия – происходит сразу несколько чудес: контакт с аудиторией, резонанс настроений и высвобождение неумной энергии, замешанной на желании учителя передавать знания, на любви детей к своему педагогу и на их, учеников, познавательной активности. Начи-

налась мистерия.

- Садитесь. Конспекты. Помним: тема, дата. Готовы? И так...

ГЛАВА 12.

Класс шумел. Нестор и не пытался установить тишину: шла дискуссия, а значит шум был плодотворным, полезным, насыщенным. Ребята приглушенно спорили друг с другом, некоторые тянули руки. Учитель кивнул Лизе с третьей парты.

- Нестор Пе... Простите, Нестор Иванович, скажите, а зачем Людовик Пятнадцатый подписал торговый договор с Англией? Во Францию хлынули дешевые товары, крестьяне разорились, буржуи тоже. Все были недовольны, стали злыми, революцию начали, королю голову отрубили. Этот Пятнадцатый был совсем дурак?

Класс приснул. Нестор Иванович улыбнулся. Он специально вызвал Лизу. Она была девочкой весьма симпатичной и невероятно кокетливой. Кроме того, она была отнюдь не глупа. В отличие от мальчишек, которые старались привлечь к себе внимание противоположного пола тем, что несли всякую отвлеченную чушь, которая только им самим казалась остроумной, Лиза важно задавала вопросы пусть не всегда корректные с точки зрения лексики, но зато в рамках темы урока. Нестор еще в сентябре попросил ее занять место за третьей партой в среднем ряду. Здесь располагался как бы

«географический центр» класса. Как только Лиза вставала и начинала говорить, мальчишки, основные источники шума, в едином порыве замолкали, как на первых, так и на последних партах, и реагировали потом организованно, сообща.

- Шестнадцатый, - исправил Нестор. – Людовик Шестнадцатый. Был казнен 21 января 1793 года на площади Революции в Париже. Перед тем, как положить голову на плаху гильотины, спросил у палача, не слышал ли тот чего-нибудь об экспедиции Лаперуза. Потом всех простил и умер, считая себя невиновным. Хотя бывают ли совершенно не виновные короли или президенты? Но – нет, Людовик был не дурак. Его можно обвинить в честности, доверчивости (если в этом можно обвинять), простодушии, нерешительности, но никак не в глупости. И не в трусости – жестокий приговор он выслушал совершенно спокойно. Кроме того, торговый договор с Англией, хоть и сыграл свою роль, но трудно назвать его причиной революционного пожара.

- А что было основной причиной? Засуха, град, неурожай? – спросил Павел Стрельцов с места (галерка все-таки).

- Действительно, в 1785 году во Франции была засуха, а спустя три года – страшный град. Но ни голод, ни разорение, ни безработица не делают революций.

- А кто делает? – все тот же Павел.

- Люди. Революции делают люди. И не те, которые возводят баррикады. И даже не те, которые кричат с трибун возводить баррикады...

- Это все пиндосы, - громко пробурчал Макс Зурабов, умный, но ленивый девятиклассник; сидел в одиночестве за предпоследней партой у окна.

- Во-первых, не пиндосы, а жители Соединенных Штатов Америки, - сдержанно исправил Нестор. – А во-вторых, поясни свою мысль.

И Макс неожиданно пояснил. Оказалось, он все-таки слушал учителя, что-то даже сумел запомнить и – о, педагогическая победа! – сделал выводы. Насколько эти выводы были истинными? Настолько же, насколько можно назвать истинным любой субъективный комментарий к историческим событиям.

- Ну, Вы же сами говорили: Франция хотела насолить Англии, своему главному торговому конкуренту. Во время войны в Америке поддержала сепаратистов. Ну, тех сепаратистов, которые теперь других называют сепаратистами. Республиканцев. Потратила все деньги на эту войну. И потом жители Соединенных Штатов Америки, - Зурабов демонстративно выделил учительский эвфемизм, - стали жировать, а французские солдаты, привыкшие воевать, вернулись во Францию. Там они не смогли остановиться и устроили резню. Ужасы демократии хлынули тогда в Европу так же, как сейчас заливают Восток. И Людовика - не важно, какой его номер порядковый, – тогда казнили так же, как сейчас казнили этих двух, не помню имен.

Брат Макса учился в выпускном классе, готовил на се-

годня доклад о событиях в мире. Вот ученик и сопоставил события истории новой и истории новейшей. Нестор успел привыкнуть к наивному максимализму братьев, этой семейной черте Зурабовых. Учителя не смущали острые, порой почти радикальные, суждения. Ребята со временем перерастут и нечаянную резкость, и показную ленцу. Нестор хотел указать на ошибки, на очевидную поверхностность заключений, но не успел – прозвенел звонок. Педагогический опыт категорично и справедливо утверждает: любая информация, предлагаемая ученику после звонка, будет утеряна безвозвратно. Ученик на уроке и ученик на перемене – два различных существа. Пусть занимаются своими «переменными» делами.

А вот учитель остается тот же. Его урок еще не закончен. Нестор Иванович устало опустил за учительский стол, чтобы заполнить журнал. Перед мысленным взором, как в фанаре Гюйгенса, проносились воображаемые картины тех далеких событий: вот разъяренная толпа раздирает на куски честных вояк, выполнявших свой долг при обороне Бастилии; вот ошалелые женщины возвращаются из Версаля, наколол на пики хлебные булки и горланя песню про пекаря, пекаршу и пекаренка – про королевскую семью, которая тут же униженно следует за этой толпой; вот король, доведенный до отчаяния, переодевается слугой и пытается бежать из собственного дворца от собственных подданных; вот наглые комиссары шныряют по домам парижан и выволакивают

на улицы, а потом запикивают в тюрьмы неугодных по про-
скрипциям Коммуны, как это было в Риме по проскрипци-
ям Суллы, как это происходит и сегодня по проскрипциям
новых диктаторов от революционеров-демократов; вот те же
комиссары рубят саблями и расстреливают из пушек безза-
щитных священников в монастыре Кармелитов и душевно-
больных в Бисерте; вот казнят полторы сотни швейцарских
гвардейцев, которые до конца оставались верны присяге и
королю; вот носят на пике (не на той ли, на которой до это-
го носили хлеб?) перед взорами королевской семьи голову
их родственницы, принцессы де Ламбаль; а вот на таких же
пиках несут головы Марата, Дантона, Робеспьера – тех, кто
возглавлял этот кровавый хаос. История не знает исключе-
ний. Она последовательна, как конвейер Форда, и справед-
лива, как Дракон в супрапозиции. И разве так важно, кого
завтра назовут героем, а кого предателем? Все это Взвесь, и
рано или поздно она осядет илом.

ГЛАВА 13

Нестор решил забыть о том, что он Наг до пятницы, на ко-
торую кем-то важным из Раджаса был запланирован корпо-
ратив. Не получилось. Вечером в четверг в парке он встретил
Семена Немировича. Нестор сказал бы, что встретил случай-
но, но уже больше трех лет он не верил в случайности.

Нина часто намекала мужу, что он должен больше време-
ни проводить с семьей. И вот в четверг, сразу же после ра-

боты, Нестор, Нина и пятилетний Антон отправились в парковое кафе.

Работа в школе, при всей сложности и ответственности, имеет ряд преимуществ. Один из таких бонусов – занятость до трех часов дня. И это даже при полной загрузке, включая дополнительные занятия с отстающими учениками или, наоборот, с олимпийскими надеждами.

Нина не работала в школе со дня ухода в декретный отпуск. Система дошкольного воспитания уже давно функционировала с перебоями. Ясельных групп не было со времен распада большой страны, мест в детских садах не хватало, нужно было «решать вопрос». Собственно, могли помочь и родители Нестора, которым удалось «поймать волну» в лихие годы, и родители Нины, которые несколько лет как уехали по научной линии в спокойное и сытое зарубежье. Но тут грянула эпидемия какой-то хитрой заразы, многие сады покрывали на карантин и Нина решила заниматься ребенком до трех лет сама. Тем более, что пособие по уходу за ребенком в то время не сильно отличалось от официальной заработной платы учителя начальных классов.

Прошло три года, пособие выплачивать перестали, но к тому времени Нина совсем потеряла квалификацию, забыла все, кроме бессонных ночей за проверкой тетрадей и нервы, потраченные на беспокойных учеников и неадекватных родителей. Одним словом, Нина решила остаться дома с ребенком до шести лет без содержания. Закон благосклонно

признавал такую деятельность, позволял ее и даже включал в трудовой стаж.

Сегодня Нестор ушел с работы в начале третьего. В три вся семья, уже пообедав, ела мороженое. В полчетвертого вся семья играла в минигольф. В полпятого Антон уже выбирал себе книжку с картинками на книжной ярмарке. В пять пятнадцать Нина решила, что отцовский долг выполнен, отпустила Нестора домой с покупками: книгой и настольной игрой, но с условием, что эту самую игру сообразят на троих перед отходом ребенка ко сну. Мама и сын отправились в кинотеатр на какой-то мультипликационный то ли сиквел, то ли ремейк. Сеанс начинался в семнадцать тридцать, а значит у Нестора было не менее двух часов для одинокой медитации. Путь его лежал от кинотеатра домой через весь парк, мимо кафе и минигольфа.

В районе кафе к Нестору привязалась собака. Шавка была худая и облезлая, выглядела жалобно. Нестор выгреб из кармана куртки раскрошенное печенье, оставшееся еще со времен кормления лебедей на Переправе. Собака смела все в один миг, уверилась в том, что Нестор – хозяин, и вменила себе в обязанность эскортировать нового хозяина в пути. Так бы и довела собака Нестора до дверей парадного входа, если бы по дороге им не встретился ребенок.

Ребенок нес за хвост кошку. Нестор хотел было отругать мальчика за жестокое обращение с животным, но вовремя понял: кошка была дохлой. Ребенок тут же стал трогательно

похож на Гекельберри Финна. Он был такой же чумазый, а его одежда была так же живописно грязна и разлохмачена, - нужно было только сделать поправку на более северную широту и более холодное время года.

- Дохлая? – констатировал Нестор.

- Ага! – грустно сказал пацан и зачем-то покрутил кошкой так, как хозяйка мешает ложкой на кухне заварной крем в кастрюле. – Собака сгрыз.

Помолчал, а затем уточнил с той же ровной грустью:

- Моя кошка. Хорошая была. Добрая.

Потом пацан посмотрел на увязавшуюся за Нестором шавку и вдруг резко ткнул кошкой в собачью морду:

- А ваш собака голодный? Будет ее жрать? Мне не жалко.

- Это не моя собака, - Нестор заспешил дальше, а шавка, наконец-то, отвязалась: вариант с кошкой явно ее заинтересовал.

Нестор шел мимо площадки, где располагались лунки для игры в гольф в количестве восемнадцати штук. При мини-гольфe работало небольшое заведение питания-выпивания: спортивные результаты требовали анализа за бокалом сока для детей, прохладного самодельного вина для мам или холодного разливного пива для пап. Были напитки и покрепче.

Именно с таким напитком – с бокалом коньяка – за одним из столиков сидел Семен Немирович Волх, по непроверенным слухам – Дракон, по проверенным данным – врач, триединый и вездесущий.

Врач улыбался: он видел учителя, он жаждал беседы.

ГЛАВА 14.

Семен приподнял бокал – этот жест можно было воспринимать как приветствие и как предложение.

- Сто пятьдесят? – сказал он радушно, то ли констатируя факт, то ли рекомендуя угоститься.

- Нет, - решительно отказался Нестор, - я сегодня не могу: я с семьей.

- Так и я с семьей! – обрадовался Семен такому совпадению. – Вон племяшки мои, играют на восьмой лунке.

Нестор еще на подходе заметил этих «племяшек». Их тяжело было не заметить – достаточно было проследить направление взглядов всех мужчин, сидящих за столиками или проходящих мимо открытой площадки гольф-клуба. Две девушки, наоборот, не замечали никого – они как будто сошли с экрана, куда невидимый киноаппарат проецировал картины маэстро Тинто Брасса. Сошли, но так и не поняли, что они уже в реальном мире, где не носят наряды в виде двух ленточек, открывающих грудь при каждом взмахе клюшкой, и где носят нижнее белье.

- Нравятся? – подмигнул Семен. – Высший уровень доступа. Три-пять тарифов за одну. А за двоих – даже говорить неудобно. Но у меня с ними бартер.

- За печати на тушки? – вспомнил Нестор недавний разговор.

Семен посмотрел на собеседника с уважением.

- Я же говорил, что Вы перспективный кадр, молодой человек, - сказал он с такой гордостью, будто бы Нестор тоже был его племянником, хотя в данном случае слово «тоже» вряд ли было уместно. - Видите, как много Вы потеряли, отказавшись вчера скоротать вечер по моей программе?

Момент, когда можно было просто поздороваться и уйти, уже миновал. Пришлось пододвинуть себе стул от соседнего пустого столика и присесть. Нестор встретился взглядом с девушкой за стойкой и, подняв один палец, кивнул на пивной кран. Девушка кивнула в ответ и достала бокал из холодильника.

- Как сказал Мастер Чан в одном из своих фильмов, у каждого бога свой напиток, - удовлетворенно заключил Семен. – У меня же их несколько, и все они алкогольные. Осуждаете?

- Нет, зачем же? Сам грешен.

- Ну, не так, как я, молодой человек. Далеко не так. Я живу в этом грехе уже давно. Это мое перманентное состояние. Все эти гребенщиковские стаканы, которые мечут на стол, и пьяные матросы, наряженные Hugo Bossom, для меня не просто художественные образы, а вполне реальные фрейле жизни. Но я бы не называл мое пристрастие к алкоголю пагубной привычкой. Это скорее один из способов синхронной медитации. Синхронной, потому что так я могу одновременно разговаривать с Вами, например, и блуждать отвлеченным Атманом по волнам иных вселенных.

Девушка положила на стойку картонный костер и поставила на него бокал - в инеи, с пеной. Нестор переместил бокал на столик. Стекло было морозным – к нему слегка липли пальцы. Семен не умолкал – он говорил, регулируя громкость голоса и корректируя направление коммуникации разворотом корпуса, даже тогда, когда Нестор уходил к стойке и возвращался назад.

- Только не подумайте, молодой человек, что мое общение с алкоголесодержащими напитками сводится к тщетной борьбе с этим социальным пороком. Я давно уже смирился с этим своим недостатком, полюбил его и обратил в пикантную фишку, в часть моего жизненного симулякра, в эдакий грубый мазок имиджа. Я дружу с Зеленым Змием. Не скажу, что он меня не жалит. Но помните, что сказал ницшеанский Заратустра, когда его ужалила змея? Он поблагодарил ее за то, что она его разбудила. Когда же змея предупредила, что от ее яда умирают, Заратустра улыбнулся со словами: «Когда же Дракон умирал от яда змеи?». И змея забрала свой яд обратно и зализала Заратустре рану. Так и мой Зеленый друг – одновременно будит ото сна, жалит и зализывает мои раны.

Нестор так и не понял, считать ли эту ссылку Семена на Дракона-Заратустру неким намеком на признание. Вряд ли.

ГЛАВА 15.

- Кстати, помните, как удивились его ученики? - продолжал Семен. – «Что за чушь? Где мораль?». На что Заратустра

честно ответил: «Мой рассказ неморален». Вы же работаете в школе, молодой человек? Как там сейчас дела с моралью?

- Детям сложно, - Нестор не хотел вдаваться в подробности, отвечал в общих чертах, – слишком много отвлекающих факторов. Все другое, и требования другие, в том числе и в области морали. Иные времена, иные нравы, иная мораль, иные дети. Но ничего критичного.

- И в чем же эта их «инаковость», позвольте поинтересоваться?

- Не знаю, - честно признался Нестор. – Иногда мне кажется, что они совершенно такие же, как мы. Как мое поколение, как Ваше. Такие же категоричные, иногда ленивые, иногда грубые, но, в целом, нормальные подростки. А порой я себя чувствую, как Виктор Банев перед гадкими лебедями из «Хромой судьбы».

- Ну, тот был писатель, а Вы – учитель. Писатель должен почувствовать, изобразить и выразить. Учитель должен почувствовать, понять и работать с этими птицами. Либо избавлять их от гадости, либо самому ею проникаться, если эта гадость – некое новое неизбежное качество взрослеющего человечества. Либо они видят в нас авторитет и за нами тянутся, либо мы принимаем их авторитет и чему-нибудь учимся у них. В идеале, это процесс двусторонний. Или двусторонний? Как правильно? Или Вы не филолог?

- Не филолог, но тоже интеллигентный человек, - Нестор вспомнил так и не законченный разговор с Кириллом. - Исто-

рик.

- Вот скажите, историк, чтут они авторитет? Пусть не наш, пусть, ну, не знаю, того же Бога, например, предков, государства, денег, киногероев, императоров, - чтут?

- Слабо, - Нестор улыбнулся. - Сегодня на уроке короля назвали дураком, а североамериканцев – пиндосами.

- Какого короля?

- Людовика Шестнадцатого.

- О французской революции шла речь?

- О ней.

- Грустное время. Как любое время, где реют флаги. Когда реют флаги, говаривал австриец Конрад Лоренц, разум вылетает в трубу. Вот только развеивает знамена ветер, поднимают знамена над головами люди, но команду к подъему знамен дают не те, кто сжимают древка. Все знают Пушкинское «Не приведи Бог увидеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный». Но мало кто знает, что сам Пушкин прекрасно понимал искусственную природу таких бунтов. В главе, что сохранилась лишь в черновом варианте, он писал, что те, кто замышляют У НАС (Семен выделил это «у нас», подчеркивая, что сами «замыслители» отнюдь не местные) невозможные перевороты, чужую головушку ценят в полушку и свою шейку – в копейку. Простите, не дословно, но суть именно такая. Не важно – устраивает толпа массовое истязание инакомыслящих или массовую оргию с единомышленниками, где-то рядом нужно искать какого-нибудь Гренуя.

- Простите? – Нестор не смог сразу понять, о ком идет речь.

- Этого парфюмера из Зюскинда, ущербного во всем человеческом, но одаренного в обонянии. Всегда рядом с озвевшей толпой есть такой Гренуй, который своей тщательно подобранной вонью массово вытягивает наружу всю гниль из человеческих душ.

Семен распалился, собственный монолог задел некие скрытые струны былых размышлений. Он даже сделал неприличный жест на слове «Гренуй», чем привлек внимание «племяшек». Врач глубоко вздохнул, быстро успокоился, помахал «родственницам» рукой, сделал королевский глоток коньяку.

- А вот по поводу пиндосов, Нестор Петрович...

- Иванович, - автоматически исправил Нестор.

Семен кивнул, соглашаясь, и продолжил:

- Здесь детей винить не в чем. Я не скажу, что это самоназвание жителей определенного государства, но слово вполне литературное, я бы сказал, официально присвоенное. Как звание нобелевского лауреата. Человечество – структура неоднородная, а, наоборот, - простите за плохой каламбур, - многонародная. И у каждого народа свой функционал. Одни спасают мир, другие его «строят», третьи – кормят, четвертые – наполняют гармонией, пятые - привносят хаос, который тоже необходим для всестороннего развития нашей цивилизации. И так далее. Функций много. И они меняются, в

зависимости от того, какую цель поставит главный игротехник.

- Бог?

- Я вас умоляю! – рассмеялся Семен. – Если верить Пелевину, - а кто, скажите, ему сегодня не верит? – то Бог – это пустота евреев, которую они смогли выгодно втюхать народам поглупее. Так что давайте о богах поговорим не сегодня. А еще лучше – спросите Кира, он у нас знатный теолог и конспиролог. Так вот, на данном этапе игротехник проводит эксперимент. Пока еще не глобальный, а локальный, в пределах одной фокус-группы. Сначала участников эксперимента отобрали по определенному признаку. Сделали это просто: положили в лаборатории приманку, на которую реагировал конкретный тип людей. Хорошо пропиарили доступными тогда средствами массовой информации. Люди и сегодня верят мифам. Вот и тогда был запущен весьма привлекательный миф об Эльдорадо. Когда-то одни перешли пустыню в поисках Бога, а в те времена другие переплыли океан в поисках золотого тельца.

- Они все умерли давно.

- Ну и что? Человеческая жизнь – всего несколько десятилетий. Масштабные эксперименты проводят над существами другого порядка.

- Например?

- Зачем например? Без всяких примеров скажу. Человек приходит в этот мир не как целое, а как часть целого – часть

своего рода. Именно фамильный род – настоящая составляющая человечества. Человек без потомков – титульный лист книги без содержания.

- Все-таки не смогли без примеров.

- Да, грешен – не удержался. Уже несколько сотен лет младшие научные сотрудники наблюдают за течением эксперимента. Нынче каждому участнику этой фокус-группы присвоен персональный идентификационный номер, сокращенно PIN, - Семен достал ручку из внешнего нагрудного кармана и написал на салфетке: «PIN». – Эта лабораторная работа съедает уйму средств. Сегодня практически половина ресурсов нашей планеты направлена на поддержание этого занятого опыта. Все участники эксперимента в совокупности составляют значительную базу данных, записанную в формате дисковой операционной системы, сокращенно «DOS», - Семен дописал рядом с аббревиатурой «PIN» вторую – «DOS». – После чего, наводя туман на всю эту историю, внедрили данный учетный термин в массовое сознание при помощи современных медиа-инструментов. И совсем уж для отвода глаз придали термину определенную негативную окраску. Но так и слово «немцы» нужно произносить осторожно – предки-славяне называли немцами тех, кто не знал языка, то есть немых. Но немцы, к счастью, не обижаются.

Тут Семен замолчал. Нестор понял, что они уже не одни. Посмотрел вправо – тут стояли «племяшки», разгоряченные игрой в гольф. Они уже надели куртки поверх прозрачных

нарядов, но это придавало их виду еще больше пикантности. Посмотрел налево – здесь стояла Нина, держа Антона за руку. Как быстро пролетело время – мультфильм уже закончился.

ГЛАВА 16.

- Маэстро, мы хотим в бильярд, - сказала темненькая.

- Или в боулинг, - сказала светленькая.

- Вы бы еще в цирк захотели. Что за маргинальные позы-вы? – Семен хихикнул, девочки фыркнули.

Нина молчала. Молчала так, как умеют только учителя и актеры. Нина держала многозначительную паузу. Создавала звенящее поле напряженности. Нина ждала.

- Знакомься, это Семен Немирович, - наконец сказал Нестор нерешительно. И добавил зачем-то:

- Он врач. – И тут же спохватился и представил семью:

- Нина, моя жена. Антон, мой сын.

Нина кивнула, Антон не обращал внимания ни на кого – он маялся, он хотел домой. Семен галантно привстал и пригласил Нину к столу. Нестор был бесконечно уверен в том, что Нина откажется. Но супруга поступила так, как всегда поступают женщины – непредсказуемо.

Границы заведения были обозначены низеньким заборчиком высотой сантиметров в двадцать, но Нина не стала его перешагивать (так поступил Антон), а, сделав несколько десятков шагов, вступила на территорию клуба через «офици-

альный» вход. Подождала секунд двадцать, пока Нестор суетливо, с полным осознанием вины, не подвинул к столику два стула. Антона, который уже приготовился занять, что устал и хочет домой, Нина в два счета нейтрализовала при помощи купленной сегодня книги, обещания фреша и орехового пирожного. За соком и пирожным к стойке отправила Нестора (официантов в заведении не было), попросив заодно захватить бокал белого. Теперь Нина была готова к разоблачению всех скабрёзных тайн и безнравственных интриг.

Но обе тайны, и светленькая, и темненькая, убедившись, что Семен не собирается прямо сейчас в карьер во все тяжкие, влекуще расположились на высоких стульях у стойки, как на сцене, и, осознавая всеобщее внимание, непринужденно принялись разыгрывать эротическую драму для двух актеров. Поскольку Нестор, по роковому стечению обстоятельств, также оказался на этом сценическом помосте, то ему досталась роль второстепенная, вспомогательная, которую японцы в театре но называют «ваки», а в театре кёген называют «адо». Нестор вспомнил о этом «адо», встретив взгляд Нины и представив себе продолжение спектакля на дому.

За столиком осталась только одна интрига в лице радушно улыбающегося Семена Немировича. С него Нина решила начать.

- Так Вы врач?
- Без сомнений.

- Случайно, не детский?

- Почти, дорогая моя Нина, – не знаю вашего отчества (Нина кокетливо улыбнулась и махнула рукой – не стоит, мол). Только существа, которых призван я врачевать, еще более детей трогательны и вопиют о заботе. Я – врач-венеролог! – Семен обозначил свою профессию громко и пафосно, так, что сумел отвлечь на мгновение внимание других столиков от «племяшек».

«Племяшки» прыснули. Нестор, который в этот момент подносил бокал с вином, неловко пролил несколько капель на стол. Он беспомощно улыбнулся Нине и попытался исправить дело при помощи салфетки. Обе аббревиатуры слились в одно мокрое пятно. Назревала буря.

- Да что вы говорите? – спросила Нина с искренней заинтересованностью.

- И очень хороший врач, скажу я Вам без лишней скромности. – Семен говорил с задором. – Так что при первых признаках – немедленно ко мне. А то и так заходите – просто на всякий случай.

- Да? Спасибо, охотно! – пообещала Нина (ох, как страшно было Нестору!). – А что, Вы думаете, стоит пройти обследование? – Она многозначительно посмотрела на мужа, а потом перевела взгляд на «племяшек». – Ну, на всякий случай?

- Непременно! – заключил Семен. – И чем раньше, тем лучше. И обязательно с мужем.

- Ну, с мужем – это уж без всяких разговоров, - Нина улыбалась, но Нестор понимал, что мрак сгустился и сегодня, возможно, придется ночевать в гараже, рядом с верным каustomом.

- Кстати, Нестор Иванович, мы не договорили с Вами о детях, - вдруг вспомнил Семен. И потом произнес, как заправский булгаковский Воланд:

- Мы остановились на том, что обыкновенные у нас дети, в общем, напоминают прежних. Вот только Интернет испортил их...

ГЛАВА 17.

В пятницу Нестор нарушил давнее правило и впервые пообедал в школьной столовой. После работы он решил не заходить домой и сразу отправился в гараж. Там, сняв рубашку и брюки, он аккуратно развесил их на старом перекошенном стуле. Под него же поставил туфли. Вместо этого «карнавального костюма учителя» Нестор медленно и так же ритуально, как некогда самураи облачались в кожаные доспехи, надел черные брюки с наколенниками, куртку с наспинной «черепашкой», тяжелые ботинки. Завел мотоцикл, выгнал его из гаража, закрыл ворота. Потом надел шлем и перчатки.

Вырулив из тихой заводи гаражного кооператива, вошел в поток, пристроился за черным корейским кроссовером и не спеша, без обгонов по щелям междурядья направил мотоцикл вначале к заправке – залить топливо в почти пустой

бак, а потом - к морю.

Нестор, в разрез расхожему мнению - 1) о русских; 2) о байкерах - не любил быстрой езды. Мотоцикл достался ему случайно, вместе с гаражом, в наследство от однокурсника, уезжавшего за границу. Подарок этот оказался весьма обременительным для учителя истории – нет такого гуманитария, который сумел бы отличить двухтактный двигатель от четырехтактного.

А мотоцикл был непростым. Это был кастом из девяностых годов на базе Yamaha XV одна тысяча какой-то – то ли пятисотой, то ли шестисотой. Тут Нестор оказывался в позиции своих учеников – Лизы Довгой, Павла Стрельцова, Макса Зурабова и других, - для которых Людовик XV отличался от Людовика XVI только палочкой в римской цифре. Чем отличалась Yamaha XV 1500 (и есть ли такая вообще?) от Yamaha XV 1600? Только сотней кубиков в обозначении объема двигателя. Как запомнить эти цифры в техпаспорте?

Неизвестный местный мастер-билдер заузил и удлинил бензобак, заменил вилку на более длинную и поднял руль. Другой мастер, аэрограф, по всей вероятности – друг первого, нанес на бак устрашающий рисунок: голову удава с налитыми глазами и чешуей, стоящей дыбом. Выглядело так, как будто змеище либо заглатывает, либо, наоборот, отрывает мотоцикл.

Через некоторое время падений и позора, после многочисленных трат на инструктора, ремонт, замену треснувших

деталей и ретушь царапин на аэрографии, Нестор научился ездить достаточно уверенно и даже полюбил это двухколесное средство передвижения, хотя чоппер был громоздок и достаточно упрям в маневрировании. А вот быструю езду так и не полюбил.

Нина несколько раз мягко намекала Нестору на то, что солидная роль женатого человека, авторитет учителя высшей категории никак не сочетаются с легкомыслием байкера. Но ничего не могла поделать по одной простой причине: мотоцикл появился в жизни ее мужа на несколько лет раньше ее самой. Нина попробовала принять двухколесного друга в семью, даже два раза проехала пассажиром по внутридворовому кольцу. Понаблюдав за Нестором в роли наездника, убедилась, что муж отнюдь не резок на подрыв, что стиль его езды весьма миролюбив. Прозвала мужа едко-нежно «медленным байкером» и смирилась.

Но вчера Нина напрочь отказалась от смирения. Вечер вчерашнего дня глушил бытовой тоской. Нестор вновь и вновь задавал себе вопрос, который рано или поздно задают все женатые мужчины. Почему азарт флирта и порывы страсти, присущие отношениям на первых порах после знакомства, превращаются в азарт скандалов и порывы бытовой ярости по прошествии нескольких лет совместной жизни?

Нет, любовная лодка не разбилась вчера о быт (спасибо Маяковскому за ёмкую пролетарскую метафору) и даже не пришлось отправляться на ночевку в гараж. Все закончилось

настольной игрой на троих и сном спина к спине. Но Нестору было обидно.

И обида усиливалась многократно осознанием собственной невинности. Вернее, сначала Нестор чувствовал, что виноват. Вместо того, чтобы идти домой – к ученическим тетрадям и поурочным планам, он безответственно пил пиво с малознакомым урологом-дерматологом-венерологом и откровенно глазел на его спутниц, в которых Нина с первого взгляда безошибочно узнала профессионалок определенного рода.

Но после полуторачасовой выволочки от супруги Нестор стал смотреть на вещи иначе. Бокал пива, интеллигентный разговор, пуританская сдержанность, - вот каким выглядели его поступки, стоило только чуть сменить угол зрения. В конце концов, он словом не обмолвился с этими «племяшками»!

Дорога вывела к склону над набережной. Нестор нашел свободный карман, припарковал и заглушил «Змея», снял шлем и, подождав, пока проедут автомобили, пересек проезжую часть, чтобы оказаться у заборчика над синим бескрайним простором. Он посчитал сначала корабли на траверсе, потом яхты на станках в яхт-клубе под склоном, потом облака на горизонте... Вдохнул йодистый аромат водорослей. Красота! Что может быть лучше мирного неба, синего моря, любимой работы и еще более любимой семьи?

ГЛАВА 18.

Но почему-то сегодня идти домой к любимой семье совсем не хотелось. Поэтому – обед в школьной столовой вместо домашнего, гараж вместо дивана, поездка к морю вместо книги или совместного похода в магазин. Так Нестор заполнял временной промежуток между двумя обязательными отправными точками: окончанием рабочего дня и началом корпоративной вечеринки в Раджасе.

Мысль о Раджасе мгновенно прогнала созерцательное настроение. Кир не уточнил, во сколько запланировано начало мероприятия. Зов проводника Нестор мог слышать с минуты на минуту. И придется без задержек ехать куда-нибудь за город: если проводник отправлен Нагом более низкого дна, то зов не проигнорируешь, подождать не попросишь. Собственно, не в первый раз, но проблема была в другом.

Нестор не садился в седло мотоцикла, будучи выпившим. Все эти кафе-рейсеры из западных фильмов, заливавшие в глотки литры пива, разбивавшие бутылки о головы, а потом устраивавшие гонки по какой-нибудь Северной кольцевой дороге до Хангер Лейн, а потом обратно, - либо гипертрофированная чушь, оплаченная алкогольными маркет-мейкерами, либо полумифическая реалья, давно ушедшая в прошлое под гнетом сварливых жен и сотрудников государственных автоинспекций.

Мотоциклисты не садятся пьяными за руль. Может быть, специально для того, чтобы в случае дорожно-транспортно-

го происшествия, в котором на 99 процентов будет виновен никак не всадник на стальном коне, взять виновника за подбородок рукой в карбоновой перчатке и мягко объяснить нарушенные пункты из правил дорожного движения, дыша ему прямо в нос дыханием свежим и уверенным.

Одним словом, перед Нестором возник вопрос обратной дороги. Вокруг корпоративных мероприятий сформировался устойчивый симулякр второго порядка: традиционно алкоголь присутствовал на таких встречах в качестве неотъемлемой составляющей, необходимой как для старта грядущих событий, так и для последующего забвения событий минувших. В иллюзорном мире Взвеси Нестор знал лишь одного Нага – Наставника по имени Кир. И то, что успел уяснить Нестор за несколько лет их знакомства о пристрастиях и привычках своего Наставника, убедительно говорило о том, что сегодня вечером традиции не будут нарушены.

Какую радость употребляют в Раджасе вместо или вместе с алкоголем, Нестор не знал, но был уверен, что эффект от употребления будет объемным, ощутимым и – очень даже может быть – непредсказуемым. Поэтому использовать в качестве транспортного средства для обратной дороги собственный мотоцикл не стоило.

Зазвонил телефон. Нестор взглянул на номер звонящего. Нина – попробуй не ответь.

- Слушаю.

- Ты где?

- В мастерской. Давно договорился, чтоб глянули. Цилиндры троят. – Не умел Нестор врать, не умел и не хотел. Но что делать?

- Давай быстрее там. И домой. Сегодня твои обещали заехать. Я утку делаю, а ты пройди через «Дом Диониса», вина возьми пару бутылок.

- Красного? – спросил Нестор рефлексивно.

- Утка же. Жирная.

- Значит, красного.

- И бутылку коньяку для папы своего.

- Нин, тут целое дело с этими цилиндрами. Только начали разбирать...

- Не морочь голову. Жду.

Нестор пересек дорогу, одновременно натягивая перчатки. У мотоцикла курили два краснолицых парня. Они с видом знатоков обсуждали технические характеристики.

- Сколько кубов? Тыщи две? – спросил один из них.

- Полторы, - ответил Нестор.

Парни спрашивали что-то еще, но все остальные вопросы заглушил надетый шлем. Нестор завел «Змея», выпятил его при помощи ног задним ходом из кармана и, рыкнув пару раз, покатил назад, к гаражу. Там он оставит мотоцикл, переоденется вновь в «карнавальный костюм учителя», который по совместительству может быть и стильным прикидом тусовщика, и строгим вечерним смокингом, и, услышав зов проводника, вызовет такси. Хорошо, что в гараже есть плед

и матрац, - домой сегодня возвращаться опасно.

ГЛАВА 19.

И в этот раз вратами в Раджас служил все тот же муравейник. Это было в порядке вещей. За три с лишним года знакомства Кир трижды изменял точку визита – по одному разу в год. Нестору нравился этот заброшенный муравьями лаз больше, чем старая кротиная нора, через которую пролегал его первый путь в Раджас. После перевоплощения нора показалась готической анфиладой, своды которой смыкались в вышине в незримый потолок. В качестве второй дороги в контору Наставник избрал полуразрушенную норку тарантула. Нестор падал в нее, как в колодец, и практически сразу вываливался кубарем к ногам младшей кастелянши Зоеньки. Зоенька весело смеялась, а Нестор казался себе нескладным, нелепым, несуразным – о, как он не любил попадать в неловкие ситуации! В общем, «тарантульный» период стал для молодого Нага серьезным испытанием.

Любой подземный ход искусственного происхождения мог послужить связующим звеном между Взвесью и Раджасом. Главное, чтобы к его созданию не прикладывал руки человек.

Проникновение в Раджас было сродни искусству управления мотоциклом: чем больше опыта, тем уже может быть дорога, тем круче могут быть повороты. С этой точки зрения, путь через муравейник не просто вел к пункту назначения,

он доставлял радость. После перевоплощения змеиное тело было наполнено высвободившейся энергией, оно было идеально приспособлено для стремительного скольжения. Способность «видеть душой» позволяла мгновенно ориентироваться в лабиринте, выбирать нужное направление и лучом зеленого света проникать из точки старта в точку прибытия. Стены лаза услужливо помогали, как помогают пловцу стены бассейна, - от них можно отталкиваться и придавать движению новое ускорение. Цель путешествия в сознании Нага была обозначена светом в конце туннеля.

Нестор улыбнулся про себя, вспомнив панику, охватившую его в первый раз при виде этого света. Сразу же после «игры в прятки» Наставник научил своего подопечного смотреть не глазами.

- Чтобы научиться видеть необходимое, нужно научиться смотреть сквозь ложное, - сказал тогда Кир.

Никаких домотканых истин Нестор в тот раз не открыл, но в темноте кротовой норы сумел отыскать маячок, который неожиданно вспыхнул белым пламенем, ярким, но не слепящим. В откровении этого наступившего света утвердились над головой величественные своды пещеры и манящий очаг в конце пути. Туда хотелось, туда могло. Именно это и вселяло в душу панический ужас. Нестор понял, что умер, и чуть не развоплотился прямо под землей. Хорошо, что Наставник был рядом. Вид яростно шипящего змея, раскрывшего капюшон и обнажившего клыки, каплющие ядом,

был еще более жутким, чем осознание собственной смерти. Нестор пришел в себя и смог проанализировать необычные ощущения. Нет, он не был мертв. Наоборот, все его тело было наполнено могучей вседозволяющей силой.

С того дня прошло более трех лет, но всякий раз, скидывая одежду и готовясь нырнуть в подземные коридоры вслед за проводником, Нестор по-прежнему ощущал неодолимый радостный трепет: «Сейчас! Сейчас!».

В тот вечер, когда первобытная жуть проникла в душу молодого Нага и закрепила способность «видеть душой» (Кир тогда сказал по этому поводу: «Великие умения могут быть открыты лишь через великие испытания»), Нестор не мог пройти мимо «Варяка». Они долго сидели с Наставником и пили молча, пока Кир не нарушил молчание.

- Думаю, мой друг, сейчас самый благоприятный момент для урока.

- Ой ли? – усомнился Нестор, глядя в пивной бокал.

- Именно! И Вы должны понять меня, как учитель учителя. Ваше сознание открыто для постижения глубоких истин. Вы готовы смотреть на вещи под необычным углом. Высохшей шелухой слетели с Вас сегодня паттерны стандартного мышления. Аксиомы перестали быть истинами, не требующими доказательств. Посему мы поговорим сегодня о философском аспекте перевоплощения и проникновения в Раджас по уютным тропам, заботливо проторенным для нас животными и насекомыми. Начнем с «игры в прятки». Как

Вы убедились сегодня, первоочередное требование к Нагу, задумавшему свершить акт перевоплощения, - это требование избавиться от всего наносного и предстать в своем первоизданном виде. Как говорится, яко благ, яко Наг, яко нет ничего, опричь простоты...

ГЛАВА 20.

Кир был отличным лектором. Он отменно модулировал тембр голоса, играл темпом речи, менял громкость, интонировал наиболее важные моменты, - в общем, умело использовал просодический арсенал ратора.

- Некоторое время назад, еще в конце девятнадцатого века, наши операторы приступили к тонким сновиденческим манипуляциям с одним весьма перспективным медиком из Моравии. Учился он тогда в столице Австрии, в Венском университете. Контакт был установлен прочный. «Работа со сновидением» обещала быть плодотворной и несложной. При том, что конечная цель этой работы была весьма и весьма важна для Раджаса: нам необходимо было создать и апробировать в полевых условиях психоаналитическую систему ранней диагностики. Мы хотели научиться прогнозировать момент инициации, при помощи молодой тогда еще науки психоанализа выявлять Нага в человеке до того, как он станет способным к перевоплощению.

- До сих пор не научились?

- Нет, мой друг, увы! Но обо всем по порядку. Сновиде-

ния, сконструированные в нашем бюро, сориентировали студента в нужном направлении, настроили течение его мысли на достижение поставленной цели. Оператор, «работавший совестью», даже получил внеочередное погружение, когда парнишка написал свой первый серьезный труд, – статья была посвящена выявлению половых отличий у речных угрей, в частности, наличию семенников у самцов. Это была почти победа. Но уже в то время контрразведка иерофантов работала отлично. Парня подсадили на кокаин, который только начал входить в Европе в моду, что облегчило контакт, но сделало непредсказуемыми последствия. Мы подталкивали его фантазию, развивали творческий потенциал, вели к созданию необходимой нам диагностической программы. Но длинные тела Нагов превращались в его снах в эрегированные фаллосы; муравьиные и паучьи туннели – в бездонные вагины или в трубы прямой кишки; само скольжение Нага по лабиринту ассоциировалось у этого молодого человека – он был в то время приблизительно в Вашем возрасте – так вот, все это в периоды наркотической фрустрации ассоциировалось у него исключительно с коитусом...

- Речь о Зигмунде Фрейде?

- О нем, о досточтимом Сигизмунде Шломовиче. О ком же еще? Даже свет в конце тоннеля он приписал взрывообразному повышению активности мозга, вызванному принятием очередной дозы. В этом свете он сумел разглядеть и овуляцию, и деторождение, и еще целую гору Меру вся-

кой хрени. Мало того, что его одураченное сознание извратило сны, поступавшие из кристально-чистого источника, из Раджаса, он умудрился экстраполировать эти бредовые образы на всю свою дальнейшую деятельность. Он стал толковать чужие сны, превращая все длинное в хуи, все глубокое – в пёзды и жопы, все движущееся – в акт соития. Вы уж простите, мой друг, за изрядный моветон, но если я буду говорить эвфемизмами, то вы не ощутите того эмоционального накала, который испытывали все Наги, связанные с этой программой. Его система психоанализа-таки родилась на свет, но в таком виде, что мы ужаснулись до самого Седьмого дна. А может, и до Восьмого. Зато ее с радостью подхватили младшие научные сотрудники из одной глобальной лаборатории для проведения одного пролонгированного эксперимента. Им весьма по душе прихотливая остроумная классификация мотивов человеческой деятельности. Как Вы знаете, мой друг, наш ученый искал причины всего и вся в оральной, анальной и вагинально-фаллической фиксациях. Но Вы, мой друг, наверняка спросите – к чему весь этот экскурс в историю психоанализа. И я Вам отвечу! Мы перелистнули сегодня несколько страниц из досье оперативного отдела нашей конторы лишь для того, чтобы Вы смогли взглянуть на символичность трансформации Нага и его пути в Раджас под новым углом. Наг, пронзающий своим телом земные толщи и стремящийся к свету, - это четкий символ извечного акта, совершаемого кругом Неба с квадратом Земли.

И неизбежный плод такого соития – новое хтоническое существо, новый Наг. Круг замыкается, как тот Уроборос, который украшает брелок Вашего мотоциклетного ключа. Но есть еще один немаловажный аспект...

Сегодня Нестор уже мог сопоставить сказанное тогда Ки-ром с тем, о чем говорил вчера Семен Немирович. Надо будет поподробнее расспросить Наставника об этих лабораториях, научных сотрудниках и их экспериментах.

ГЛАВА 21.

Был еще один немаловажный аспект. Сегодня Нестор мог бы изложить его следующим образом.

Для чистоты проводимого эксперимента было решено очистить лабораторную территорию. Сделано это было руками – вернее, клинками, пулями, ядрами, огненной водой и чумными одеялами – самих участников фокус-группы. И уже в самом начале семнадцатого века под воздействием направляющих факторов началось формирование новых штаммов, заселявших освобождаемую территорию. Эти фамильные роды были подвержены определенным контролируемым мутациям, что позволило за несколько столетий сформировать из них принципиально иные жизненные образования.

Каждый фамильный род как составляющая человечества (собственно, как и любой феномен Взвеси) сочетает в себе качества-гуны трех ментальных полей: Саттвы, Раджаса и

Тамаса. В ходе эксперимента гуны были частично просеяны – из них были исключены некоторые компоненты. Наибольшую утрату понесло содержание Саттвы – из него исключили умиротворение, просветление, духовность. Одним словом, от Саттвы не осталось почти ничего. Раджас сохранил основные компоненты: энергию, динамику, беспокойство, – но эти качества были переформатированы. Были купированы созидающие начала, но оставлены тяга к материальному накоплению и разрушению. Тамас сохранили практически в первозданном виде.

Пока это только целевая модель, но исследование движется полным ходом, значительные результаты уже достигнуты и все предвещает эксперименту запланированный успех.

Наги, в меру дарованных им способностей в заданных координатах этой иллюзорной Взвеси, уже давно просчитали, каким может быть исход. И этот исход Раджасу весьма не понравился. Теперь контора предпринимает достаточно активные действия, для того чтобы по возможности аккуратно, без вреда для участников фокус-группы (ни отдельные люди, ни роды целиком не должны нести ответственность за бессознательные действия и навеянные состояния) повлиять на происходящие во Взвеси трансформации. Радикальное противодействие запрещено («Кем?» - «Не спрашивай»).

С одним из таких фамильных родов связан еще один громкий в провал оперативного отдела Раджаса. Причем двойной провал.

В самом начале двадцатого века Наг-оператор по заданию Седьмого дна приступил к «работе совестью» в снах отца одного семейства из фокус-группы. Достигнутый в ходе двадцати лет труда результат ошеломил наблюдателей – большой крах и представить себе было трудно. Дело в том, что оперативные методички, разработанные для таких случаев, опираются на многовековой опыт изучения человеческой сущности. Но метаморфозы всех ключевых механизмов мировосприятия – чувств и разума – у наблюдаемых участников фокус-группы зашли так далеко, что это стало для Нагов жутким сюрпризом. Базовые критерии, на основании которых они принимали решения, оказались не просто изменены – они просто-напросто находились вне человеческой системы координат.

Одним словом, в результате нашей работы в одна тысяча девятьсот тридцать пятом году был основан широко известный институт общественного мнения – мощнейший инструмент иерофантов по конструированию мировой политики. Своими, как говорится, руками...

Но мы не опустили хвосты – это вообще не свойственно Нагам. Мы учли ошибки и решили исправить положение, направив сновиденческие воздействия наших операторов на сына этого отца-основателя. Сын оказался человеком более скромным. Перед ним была поставлена та же задача: обобщение опыта пре-Наговых состояний с целью раннего выявления неофитов. В результате из-под пера нашего уважае-

мого подопечного вышла работа по исследованию клинической смерти. И, хотя поставленная нами цель достигнута не была, тем не менее в этой работе весьма тонко были описаны симптомы, которые ощущает Наг в процессе перевоплощения. Это состояние и было названо в работе клинической смертью.

Так наш исследователь обнаружил, что пребывающие в подобных состояниях ощущают, что покинули собственное тело; что стали ясно и отчетливо видеть предметы, ранее не виденные; что стали слышать некие зовущие голоса; что их наполняет радостное ощущение могучей силы; что они видели свет в конце пути, а сам путь представлял собой путешествие по длинному туннелю.

«Мы с Вами, мой друг, прекрасно понимаем, что речь идет соответственно о перевоплощении, о «видении душой», о муравьиных лазах и прочих радостях нашей с Вами жизни. Если же добавить, что в конце путешествия опрашиваемые попадали в другой мир, где встречались с другими существами, то картина станет целостной».

Таким образом, сам процесс проникновения Нага в Раджас через лаз имел дуальную структуру: с одной стороны он отчетливо символизирует акт соития или даже акт рождения новой жизни, что в свое время доказал Сигизмунд Шломович, с другой стороны наличие света в конце тоннеля и прочие сопутствующие эффекты говорят о скольжении змея как о символе ухода из этой жизни.

- Последнее, кстати, верно отчасти, - заключил тогда Кир.
- Перевоплощаясь, мы с Вами покидаем иллюзию Взвеси ради реальности Раджаса.

ГЛАВА 22.

Итак, Нестор в очередной раз совершил этот полисемичный акт, символизирующий хтоническое соитие, рождение и смерть, и вот он снова, по всем законам метафизики, эзотерики и прочих оккультных наук, стоял голый в точке прибытия перед стойкой кастелянши. Ни Зоеньки, ни ее сменщиц за стойкой не было. Зато были:

- разложенные по цветам поясов зеленые халаты, завернутые в целлофан, - все с надписанными ярлычками;
- совершенно несолидное печатное объявление формата А4, вложенное в файл;
- искристый напиток (по всей видимости, шампанское) во множестве тонких бокалов на нескольких разносах.

Ведущий в кулуары конторы коридор был пуст. Свет приглушен, и не только для создания интимной атмосферы, но и для того, чтобы более отчетливо выделялись в полутьме зеленоватые стрелки, фосфоресцирующие на полу с интервалом в пять-шесть метров.

Нестор первым делом выпил гостеприимно предложенный аперитив. Точно – шампанское! Потом нашел свой пакет и, не особо торопясь одеться, со вторым бокалом в руке, прочитал объявление. Оно гласило:

НОВОПРИБЫВАЮЩИМ!
НАДЕНЬТЕ УНИФОРМУ,
ПЕЙТЕ И
СЛЕДУЙТЕ ПО УКАЗАТЕЛЯМ.

Оделся Нестор прямо у стойки – в раздевалку было идти незачем. Собственно, раздевалка была всего лишь данью традиции – девушки из местного персонала и так знали всех Нагов не только в лицо.

Запахнув халат, Нестор долго не мог продеть зеленый пояс в петли на боках. Наг в халате без пояса выглядел более вызывающим, чем Наг вообще без халата. Здесь, в коридорах Центрального управления Раджаса, пояс был своеобразным знаком отличия, по которому можно было определить ранг его носителя. Здесь цвет пояса выполнял функцию звездочек на погонах. Нестор часто вспоминал по этому случаю цитату из «Кин-дза-дза»: «Когда у общества нет цветовой дифференциации штанов, то нет цели». Только вместо штанов – пояса. Кир некогда поучал Нестора так, как Уэф в фильме поучал дядю Вову:

- Пояс в нашей униформе – вещь центральная. И по сути, и по форме, и по назначению. Как Наги мы все равны, что отчетливо презентует цвет наших мундиров.

- Халатов? – весело уточнил Нестор.

- Мундиров, мой друг! - безапелляционно возразил Наставник. - Со временем ты проникнешься их бесспорной субординирующей ролью в нашей работе.

Разговор шел в одном из кабинетов управления, где «Вы», используемое в беседах на публике, непринужденно превращалось в участливое «ты».

- Раджас имеет достаточно сложную структуру, - продолжал Наставник. – Я и сам не все понимаю, не все знаю, не везде вхож даже с моим уровнем допуска. С целью упорядочить нашу иерархию – сугубо для внутренних целей – было принято решение условно разделить Раджас на семь уровней. Повторяю: это деление исключительно условное. Правильно говорить «на семь доньев», но во множественном числе это слово как-то неказисто звучит.

- Как-то, помню, Вы поднимали тост «Чтоб всем нам до Восьмого дна!», - решил уточнить Нестор. – Так их семь или восемь?

- Пустой вопрос, мой друг. Никто тебе на него не ответит. Может, сам со временем разберешься. А тост «До Восьмого дна!» - лишь аналог таких же тостов во Взвеси. Например, как «Кан пей!» - «чтобы река обмелела» - в Китае или как привычный нам тост «До дна!». Вернемся к нашей цветовой дифференциации...

Нестор и сам понимал, что пояс – это метафора Нага. Оказалось, что символика распространяется не только на форму, схожую с формой змеиного тела, но и на сущностное содержание. Пояс Нага – это попытка спектральной визуализации архисложных ментальных составляющих змеиной природы.

ГЛАВА 23.

Вот из-за этих архисложных составляющих в Раджасе возникла древняя традиция. И традиция эта была связана, в первую очередь, с особой способностью Нагов воспринимать цвет.

Человеческий глаз может различить до десяти миллионов оттенков. При этом во всех языках Взвеси долгое время цвета обозначались только двумя словами: темный и светлый. Свет отражается от предмета, глаз воспринимает количество света. Света много – глаз говорит мышлению: «светлый»; света мало – глаз говорит: «темный».

Но жизнь человека становилась сложнее, для операций с действительностью нужны были новые инструменты. Со временем добавился красный, а темный и светлый превратились в черный и белый с различными оттенками. Потом появилось слово, означающее одновременно зеленый и синий цвета. До сих пор из-за такого положения дел возникает путаница при анализе древних рукописей.

Слова и словосочетания, обозначающие наименования цветов, вызывают в воображении целый мир световых представлений. Этот мир развился, подчиняясь зрению. Воображение Нагов – когда они Наги - свободно от такой зависимости.

Сегодня в разных языках мира можно обнаружить разное количество уникальных наименований цветов и оттенков. Все зависит от того, как тот или иной цвет отражается

в восприятии носителей того или иного языка. Одни народы дают абстрактные цветоименования через цвет морской или речной воды, другие - через цвет снега, через цвет травы или через цвет гор. Кому что ближе. Например, в созерцательной Японии на заре времен существовало только четыре наименования цвета: куро – ночного, а значит, черного неба; сиро - ясного неба после рассвета, залитого белым солнечным светом; ака - багровеющего неба во время рассвета; ао - так могли назвать цвет неба в любое другое время суток или при любых других природных явлениях.

Современное материальное мировосприятие все чаще протекает не через цветоименования абстрактных цветов, а более конкретные эпитеты, опосредованные через предметы окружающей действительности. И не только уже привычные «вишнёвый», «салатовый» или «персиковый». Чем более статусной будет вещь, тем замысловатее будет ее оттенок. Особенно заметным это становится при подборе декора для фасада загородного особняка, при выборе цвета автомобиля или яхтенной краски. Здесь можно встретить малоизвестные «Валентина», «Несси», «звездная пыль», «Монте-Карло» или совсем уж экзотические «золото инков», «гейзер», «сафари» или «цунами». Автодилеру легче впарить клиенту машину цвета «Пицунда», чем синю-зеленую машину, при том, что это один и тот же цвет.

Маэстро Леонардо называл глаза окнами человеческого тела, через которые душа глядит на мир и радуется его кра-

соте. Без таких окон душа оказалась бы в темнице, мрачное пребывание в которой – злейшая пытка.

Наги имеют способность широко растворять особое окно, через которое душа получает возможность видеть мир без каких-либо посредников. Поскольку Наги «смотрят душой», то и цвет вещи в их восприятии ничего общего не имеет с теми цветами, которые приняты в материальном мире. Восприятие цвета идет у Нага изнутри, и глаза никак не влияют на интерпретацию данного качества вещи в Наговом сознании.

Важным становится не количество отраженного внешнего света, а количество отраженного внутреннего содержания.

- Я бы мог сказать «внутреннего тепла», - заметил тогда Кир, - но так возникнет в корне неверная ассоциация с температурой и приборами ночного видения.

Одним словом, Наставник в тот раз подробно и обстоятельно расписал Нестору цветовую дифференциацию поясов, которую более правильно было назвать «смыслосодержательным» делением.

Все змеи и Наги всех уровней-доньев носят в коридорах Центрального управления Раджаса однотонные халаты. Это униформа любой змейки, это мундир любого Нага. Халат имеет цвет, символизирующий саму суть змеиного племени. Этот цвет, для простоты, принято называть зеленым.

- Как цвет надежд, - вспомнил тогда Нестор.

- Что? – отвлекся от монолога Кир.

- Есть у шведского фантаста - Хольцхаусен его фамилия - такая новелла – «Цвет надежд – зеленый». Там заключенным, которые не хотели сидеть в тюрьме, вводили специальный препарат, и они становились зелеными. Эдакие шведские Наги. Этот Хольцхаусен, кстати, не из наших?

- Нет, конечно! Какой вздор! – раздраженно отмахнулся Наставник. – Придумают же! Наги из тюрьги. Не перебивай, если не по существу.

К зеленому халату полагается знак отличия – пояс. Цвет пояса варьируется в зависимости от того Дна, к которому принадлежит Наг. Понижение со Дна на Дно - это исключительная НАГрада, и она не зависит от времени, прошедшего с момента инициации. Змейки из обслуживающего персонала и Наги, совершившие акт первого перевоплощения, носят пояса бирюзового цвета.

- Зеленого, - уточнил Нестор.

- Нет. Именно бирюзового, - исправил Кир.

- Но пояс такого же цвета, как и халат, - удивился Нестор. Он даже приложил хвостик пояса к ткани халата в доказательство.

Кир посмотрел на Нестора так, как воспитательница в детском саду смотрит на сидящего на горшке малыша – с неммым вопросом: «Когда же ты сам научишься попу вытирать?».

- Бирюза – цвет переменчивого моря, символ перевоплощения. Знак того, что ты перешагнул гранитные границы своего тела, что тело твое теперь может принимать иную

форму, как морская вода. Но это в двух словах. Все гораздо сложнее. И пока такие тонкости не научился видеть сам, верь мне на слово: халат – зеленый, пояс – бирюзовый.

ГЛАВА 24.

Нестор довольно долго шагал по пустым коридорам Раджаса. Он и не догадывался, что контора так широко раскинула свои щупальца в реальности не-Бытия. Возникло смутное волнение – так ли легко будет отыскать обратный путь к лазу.

Коридоры Центра управления были такими же, как множество других коридоров во множестве других управлений. Прямые, многодверные, достаточно просторные, с паркетными полами и встроенными в потолок светильниками. В честь корпоративной пятницы – интригующе полутемные. Сегодня – необычно тихие и пустые.

Раджас всегда отражал мир Взвеси – в материалах, дизайне интерьера, в функциональном назначении предметов. Кабинеты были кабинетами, столы – столами, оргтехника – оргтехникой. Даже кулеры были расставлены у стен. Иногда у кабинетных дверей располагались сцепки из двух-пяти стульев – для посетителей. Хотя какие тут посетители?

Но такова была традиция. Пару миллионов лет назад, в эпоху раннего палеолита, здесь, наверняка, извивались пещерные туннели. Блики костров вместо мерцания светильников, журчание ручейков по стенам вместо бульканья куле-

ров. Закопченные чадом факелов стены булыжных анфилад с мрачными кельями и бездонными колодцами в залах, - все это в период Средневековья.

Как-то Нестор спросил Наставника, зачем в реальности нужна копия, снятая с иллюзорного оригинала. Кир ответил так:

– Потому что там, во Взвеси, жизнь – со всеми ее нелепостями, пакостями и лживыми словами. Мы не можем без этой жизни, мой друг. Она нужна нам, чтобы мы выполняли свое предназначение, мы нужны ей, чтобы Взвесь преждевременно не осела илом. Поэтому и здесь жизнь, точно такая же, как там, без всяких абсолютных истин. И там нет никаких истин, потому что истины, мой друг, абсолютны и вечны; они не имеют с жизнью ничего общего.

Раджас отражал Взвесь в формах и проявлениях, чтобы соответствовать ему в духе и настроениях. Нестор где-то уже читал об этом, но никак не мог вспомнить – где именно.

Фосфоресцирующие стрелки иногда перемещались с паркетного пола на стены, крашенные фактурной краской, со стен – на двери, с дверей на потолок. Через некоторое время Нестор стал различать приглушенные звуки, которые постепенно заполняли все пространство нарастающим гулом, ритмичным и однотонным.

В приморском городе, где жил Нестор, летом на благоустроенной Набережной работали ночные клубы. С открытых танцевальных площадок в небо устремлялись реклам-

ные лучи мощных прожекторов. Нестору всегда было жутковато от такого зрелища – именно так он представлял себе лучи противовоздушной обороны, шарящие по военному небу в поисках бомбардировщиков, несущих смерть в тревожно неспящий город.

Если гуляешь летом по Набережной в ночное время, то подвергаешься воздействию мощного акустического эффекта. Каждый ночной клуб накрыт колпаком ритмичного шума. У этих колпаков имеются перемежающиеся границы. Невозможно понять, в какой момент ты вырываешься из одного шумового колпака и в какой момент тебя накрывает новый ритмический рисунок.

Но если два клуба отстоят достаточно далеко друг от друга, то между ними пролегает благодатная зона отчуждения. Нет, здесь тоже не различишь звуки природы: шорох волн по прибрежному песку, плеск пенных гребней, говор ветра, - за всем этим лучше приходить ранним утром выходного дня, когда аборигены и гости города еще не выпили первую пробуждающую бутылку пива. Но здесь ты оказываешься между почти затихшим гулом одного танцпола и еще не накотившим гулом другого. Всего несколько шагов, и твоими органами слуха снова начинает безраздельно завладевать победивший ритм.

Вот и сейчас Нестор ориентировался уже не по стрелкам, а по приближающимся звукам резкой музыки. Еще один поворот – и пространство коридора залили разноцветные бли-

ки цветомузыки. Одна из стен неожиданно оказалась не каменной крашеной непроницаемой преградой, а прозрачной от пола до потолка стеклянной мембраной, за которой мерцал огнями и гремел танцевальными ритмами праздничный зал впечатляющих размеров.

Зал был двухуровневый. Широкий вход без всяких дверей вел на верхний ярус. Этот ярус был разбит на несколько зон, отличавшихся дизайном мебели и другими особенностями интерьера. В каждой зоне были барные стойки с улыбающимися змейками-барменшами, столики, окруженные удобными стульями, диваны и кресла. Кое-где серебрились аквариумы с экзотическими рыбами. Между столиками сновали змейки-официантки. Все были в халатах, но пояса халатов не были завязаны, хотя никто, по-видимому, не замечал этой небрежности в нарядах.

Из каждой зоны лестницы – прямые или спиральные – вели на нижний ярус, представлявший собой танцпол. По периметру площадки для танцев также располагались места для отдыха и стойки с напитками. Было шумно, темно и не очень уютно: Нестор уже давно не был на дискотеках. Он и в юности не очень любил такое времяпровождение, предпочитая другие виды активного отдыха.

По ближайшей лестнице поднимался Кир. В его руке был широкий бокал, а полы его халата, не стянутые поясом, свисали по объемным бокам, не скрывая его величественную наготу.

Кир, как всегда, улыбался. Кир махал рукой. Кир был абсолютно фиолетовым от голых ступней до обаятельной, радужной физиономии.

ГЛАВА 25.

Сначала Нестор не обратил внимания на цвет Наставника – списал это явление на мелькание разноцветных дискотечных огней. Но цветомузыка вела собственную переливчатую игру, а здоровый фиолет Кировой кожи был упрямо неизменен. Оглянувшись по сторонам, Нестор вдруг понял, что тела практически всех присутствующих были цветов странных, непривычных, а для Взвеси – так совершенно не естественных. Но здесь не Взвесь, здесь – Раджас. Цвет кожи змеек, снующих между столиками и разливающих напитки за стойками, сливался с цветом халатов. Среди тех, кто сидели за столиками, прохаживались по залу, спускались или поднимались по лестницам, танцевали на первом ярусе, можно было увидеть обладателей серых, зеленых, фиолетовых, красных тел.

Нестор невольно глянул на собственные руки. Нет, все в порядке – обычный Нестор со следами еще не сошедшего летнего загара. Такие, как он, были среди гостей сегодняшнего вечера, но – единицы.

Кир заметил растерянность на лице своего подопечного и беззвучно рассмеялся.

- Я последний? – прокричал Нестор, но не услышал сам

себя в шквале музыкальных порывов.

Наставник протянул руку для приветствия, а потом сделал знак - следуй за мной. Они прошли сначала мимо стойки, где Нестор, по молчаливому совету Кира, прихватил бокал с золотистым содержимым, а потом через несколько зон к противоположной входу стороне, к самой периферии второго яруса. Оказалось, что каждая зона имеет два-три выхода, ведущих в смежные помещения. Как только Кир и Нестор перешагнули порог одного из таких помещений, наступила тишина. Пусть не полная, но вполне достаточная для комфортного ведения разговора. В помещении было пусто, стояли столики в окружении стульев. Наставник пригласил Нестора за один из них.

- Приветствую, мой друг, - Кир приподнял свой бокал.
- Я последний? – снова зачем-то повторил Нестор.
- Это не важно. Собственно, на такие мероприятия все прибывают практически в одно и то же время. Те, кто дном пониже, – на несколько минут раньше; те, кто повыше, - на несколько минут позже. Последними прибывают неофиты.

- Как я?
- Как ты. И как еще несколько молодых Нагов. Кстати, что ты пьешь?

Нестор пригубил.

- Шампанское.
- А, ерунда какая. Шампанское и дома выпьешь. Вот, возьми мой бокал. Это местного разлива. Фирменное питье. Да-

вай, меняемся. – Они поменялись бокалами.

- Вы фиолетовый, - констатировал Нестор.

- Пурпурный, - исправил Кир. – Я пурпурный. А каким мне еще быть? Все Наставники пурпурные. – Кир продемонстрировал хвостик пояса. Да, пояс халата и кожа Наставника были одного цвета. – Мы же говорили с тобой о цветовой дифференциации.

- Мы говорили, - кивнул Нестор. – О поясах.

- От чего же, по-твоему, зависит цвет пояса?

- От ранга. Ну, или звания. Как это у нас называется?

- Ничего ты не понял, мой друг. Ровным счетом ничего. А еще учитель истории. Путать причины и следствия крайне непрофессионально. Когда Наг «смотрит душой», что он видит – только цвет?

- Он видит сущность вещи.

- Именно! – обрадованно воскликнул Кир. – Он видит сущность! Кто ж на корпоративных вечеринках будет скрывать свою сущность? Они – вечеринки – для того и нужны, чтобы каждый получил возможность быть тем, кем он есть на самом деле. Чтобы ничего не нужно было скрывать, потому что здесь все свои.

- Халаты нараспашку по той же причине?

- Абсолютно справедливо! Таков дресс-код. Или, лучше сказать, таково правило, неписанное и негласное. Запахнуть халат – все равно что прийти в головном уборе. Или того хуже – в маске. У нас же корпоратив, а не карнавал.

- Не Раджас, а нудистский пляж.

- Нагийский пляж, - рассмеялся Кир. – Ничего, привыкнешь. В зал пойдешь или пока тут посидим?

- Мне бы сегодня уйти пораньше, - попросил Нестор так, словно хотел «слинять» с последнего урока, как шаловливый и лукавый ученик.

- Зачем?

- Мои родители в гости вечером обещали заехать. Неудобно. Да и Нина будет злиться.

- О, не переживай! – Кир небрежно отмахнулся. – Раджас – солидная организация. Получишь на сегодня командировочный лист. Так что о мелочах можешь не думать. Мы, помнится, не договорили давеча?

«Ничего себе – мелочи», - хмуро подумал Нестор. Потом решил смириться – ответ за все грехи все равно будет один.

Разговор накануне он помнил. Его в тот раз интересовал вопрос, почему так часто Наги используют корень «наг». Наставник же начал тогда издалека. Что ж, пусть заканчивает свой семинар. Танцы – все равно не для Нестора.

ГЛАВА 26.

- Помнишь, мы говорили о том, что человеческое мышление, в отличие от мышления Нага, – это мир глаза, все человеческие понятия выводятся из зрения, а вся логика – это воображаемый мир света, - начал Кир. – Кстати, музыка звучит на нашем увеселительном и одновременно рабочем ме-

роприятии именно потому, что только музыка может вынести за скобки зрительные образы, на которых держится традиционная логика Взвеси.

- Раджас нелогичен?

- Некорректный вопрос. Каждой системе координат присуща своя логика, которая будет НЕ-логикой в иной системе координат. Миры трилоги – Саттва, Раджас, Тамас – нелогичны даже по отношению друг к другу. Что уж тут говорить о Взвеси? Ты же учил историю. Ты даже преподаешь историю. И потому можешь лучше меня привести множество примеров, когда мысли, слова и деяния в одну эпоху были приемлемы или даже являлись образцовыми, в другую же – были высмеяны или подвергались решительному порицанию. Отношение к торговле людьми, к формам жертвоприношения, к эталону женской красоты... Да мало ли? Так что даже в пределах самой Взвеси рождаются такие логические оксюмороны!

- Как это связано со словоупотреблением? Вопрос же был именно об этом.

- Напрямую! Человек видит окружающий мир, берет этот мир в плен зрительных образов, соотносит с образами определенные слова. Так рождается язык народа. И, как видим, этот язык сформирован окружающим миром, ландшафтом. Степной кочевник поет о степи, бедуин – о пустыне, суровый норманн – о скалистых фьордах. Знаешь сколько слов обозначают морской лед в языке юпик, у эскимосов Аляски?

Около сотни. Чем важнее для народа тот или иной предмет, то или иное явление, тем больше синонимов, этот предмет или явление называющих. Конечно же, с оттенками значений. Каков ландшафт – особенности местности, природных условий, флоры, фауны и прочих взаимосвязанных факторов – таков язык; каков язык – такова культура; какова культура – таков народ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.